

Г. ОГОРОДНИКОВ, Р. ДРУКМАН (тема).

**Охота на человека,
отстаивающего свое достоинство.**

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

Учредители:
трудовой коллектив редакции
журнала «Крокодил»
и издательство ЦК КПСС
«Правда».

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ
(первый зам. главного
редактора),
С. С. СПАССКИЙ
(главный художник),
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Редакция не рецензирует
присланные литературные
и изобразительные материалы.
Рукописи объемом меньше
2 печатных листов
не возвращаются.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-15-47,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 20.03.91.
Подписано к печати 27.03.91.
Формат бумаги 70×108½.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 2 478 000 экз.
(1-й завод: 1—2143328).
Зак. № 329. Цена 75 коп.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Крокодил». 1991.

БЫЛ И У НАС БАЗАР...

Репортаж Леонида Жуховицкого из Аргентины «Рынок в Росарио» (1990, № 26) всколыхнул во мне грустные воспоминания, навел на размышления.

...Довоенные годы. Мое село. Летом и зимой дел в колхозе невпроворот и, если не считать 1931—1933 и 1936 голодные годы, хлеба вдоволь, молоко, масло, яйца — свои. Не было тогда понятия — выходной. Был базарный день. К нему готовились: резали скотину на мясо, делали творог, масло, у кого что есть, на продажу. Мы трое, сестра и два брата (остальные еще малы), после школы и домашних уроков плели лапти. По паре за вечер и одну сверх нормы, маме на чай.

...Воскресный базар в Красном Урюше (бывший Боярский Урюш — хозяйство и усадьба помещика Груздева) в семи верстах. Туда-то мы и несем свой товар. У дяди Имама, с которым мы идем, товар почище — сита и решета.

Чего только нет на том базаре! На возах

расположились коробейники. Под деревьями — на сотни метров — столы.

Продав свой товар, пообедав в столовой, которая открыта для всех при мясокомбинате, ходим по магазинам: делаем покупки для дома (что мама наказала) и ей с общих взносов — плитку шоколада, чай, пряники... Домой возвращаемся счастливые...

Потом были годы «оттепели». Мужики их прозвали годы «оттяпали». Тогда у крестьянина действительно оттяпали огороды, подсобные хозяйства... Вот-вот засветит «светлое будущее». И в будние дни пошли «праздники». Как-то был по обмену опытом в бригаде строителей в Уфе. На рабочих местах шла поголовная пьянка — стройматериалов не подвезли...

После тяжелой войны побежденные заняли устойчивое экономическое положение. А у нас — сплошные эксперименты. И все — «для блага трудового народа». А ему живется все хуже. К тому же еще, например, увели-

чили стоимость подписки на печать. Обращают в безграмотных?

Даже по моему малому городу видно, как все больше неудобств создается для человека: не стало общественных туалетов, все меньше почтовых ящиков, касс для уплаты коммунальных услуг...

Но вернемся к базару. По традиции он, как и был, в воскресенье. Да скучно и буднично там. Отучен крестьянин жить базаром. И если он что-то все-таки принесет для продажи, домой возвращается без покупок: магазины в этот день закрыты, даже «Сельхозпродукты», даже «Садовод». А руководство все решает, как крестьянину жить.

Вручили карточки. На четырнадцать видов продуктов. По 200—300 граммов, по полкило на месяц. Вот к чему пришли.

А был базар, был и у нас!

И. БАЙМУХАМЕТОВ,
ветеран войны и труда,
г. Учалы. Башкирия.

КАК Я СДАВАЛ БУТЫЛКИ

Приемщик был интеллигентен, величествен и наверняка с верхним образованием. Я расставил бутылки по ранжиру на 3 рубля 80 копеек. Приемщик припечатал к прилавку трешку и стал убирать бутылки в ящик.

— Не понял, — застенчиво удивился я. — А восемьдесят копеек?

Приемщик взглянул на меня с легким недоумением:

— А где же я столько мелочи возьму?
— Так я дам двадцать копеек, — наход-

чиво подсказал я, продолжая стесняться. — А вы мне подадите рубчик.

— Бог подаст, — снисходительно обнадужил приемщик. — Зачем мне ваш двугривенный, я не мелочный, как некоторые. К тому же именно четыре бутылки у вас дефектны... Вот на горлышке шероховатость — пробка не пристанет. А здесь на доннышке микротрещина — у водки и пива высокий коэффициент смачиваемости, будут сочиться. И эта посуда подозрительная. При желании можно продолжить осмотр...

— Не утруждайтесь, — сказал я, взял

трешку и... забракованные бутылки. — Использую их под растительное масло, которое гуще пива.

С лица приемщика мгновенно сошли приметы интеллигентности.

— Ну и жмот! — прохрипел он. — Крохобор несчастный! Используйте их еще и на медицинские анализы!

Я вежливо кивнул, вышел из приемного пункта, дошел до ближайшей урны, швырнул в нее «подозрительные» бутылки и пошел домой...

Ю. ТАРАН, г. Донецк.

И. ЛОСОСИНОВ, Ю. ЧЕРЕПАНОВ (тема).

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Внимание руководителей предприятий и организаций!

КООПЕРАТИВ «ТОПОЛЕК»

РЕАЛИЗУЕТ

по государственным ценам мужские носки и женские колготки взамен на автомобиль «РАФ» и «Волга ГАЗ-24».

Прислала группа читателей.

«Чтобы корректоры не зверели, Закрывайте, пожалуйста, двери!» (Объявление на дверях издательства).

«В кафе так вкусно готовят, что объедки хочется отнести домой. Моему мужу что не дашь, все съест, лишь бы было много».

(Из книги «Отзывы и предложения»).

«В магазине продавались говяжьи губы, я удивился и спросил: «Для чего их продают?» А продавец мне ответила. «Чтобы целоваться».

(Запись в книге «Отзывы и предложения».)
Прислала С. ТРОПЫШКО,
г. Евпатория.

Досыта наевшись самой дешевой в мире отечественной медицины, где только не ищет спасения советский человек. В самолечении, у шаманов, у экстрасенсов, у Кашпировского и Чумака, у медкооператоров. А когда уже ничто не помогает, человек обращается в разные редакции. Перед вами подлинные фразы из некоторых писем; мы решили напечатать их в рубрике, которой не без умысла намекаем на знаменитый чеховский рассказ.

Насморк проходил, и я снова начал обонять. Раньше слышал даже запах чистого женского тела.

Прошу вас вмешаться в мою историю болезни.

Можно ли применять нашатырный спирт для оздоровления организма после пьянки?

Начнешь чесать — тело радо.

Как произошли тараканы и где их родина?

Расскажите о переходном возрасте и его последствиях.

Здоровье мое все прогрессирует.

Дайте мне любой рецепт, вплоть до прыжка в пропасть.

И вот зажжена газовая горелка, и я дышу теплым (свежим) углекислым газом в неограниченном количестве, увлеченный новой идеей.

Степановна выкрикивает похвальные лозунги (а из она знает немало, так как бывший преподаватель школы).

У меня было 3 испуга, 2 вышли, один остался и сидит в желудке. Испуг слышит, как человек.

В перерывах между записями продолжал заниматься гантелями.

Могут ли эти две болезни проживать вместе?

В кишечнике очень быстро ползает кто-то посторонний.

Подошел к регистратуре, там сидит пантера и гавкает.

Какую роль играет в организме человека пупок?

Я очень любопытна, пожалуйста, в этом отношении не уступлю обезьяне.

Я очень хорошо пела, а теперь неплохо плачу.

Врач сказала — вы разве не знаете, что Горький сказал: кто родился, тот должен умереть.

Регулярно читаю журнал «Здоровье», скоро сам себе стану устанавливать диагнозы, хотя по профессии я механик.

Пишет вам волгарь из славного города Саратова. А довела меня до этого непокорная жена моя.

Можно ли спать около холодильника «Пенза-2»?

У нас с мужем болят спины. Он не может спать на мягкой постели, а я на твердой.

Хочу, чтобы после меня остался тот маленький шрамчик на земле.

Плод забился 10 октября. Жена говорит, что бьется ребенок, а гинеколог говорит: это у вас кишка играет.

Вам я доверяю самое больное место.

«НЕ ГУБИТЕ, МУЖИКИ...»

Нас никто не уволит в запас, Мы на новые рвемся высоты. Пусть по-прежнему радуют глаз Монументы топорной работы!

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ. Фото Ю. КОЛЕСНИКОВА, г. Тверь.

Аркадий КАЙДАНОВ

СОЛО ПОДПЕВАЮЩИХ

Ах, как нам кричится, когда разрешили кричать! О, как нам молчалось, куда кричать запрещали! Но лишь разрешили — рискуем мы связки порвать И по-молодецки поводим крутыми плечами. В едином порыве готовы мы горы свернуть! Еще не свернули, но в общем и целом — готовы. Как радостно дерзкой идеей с трибуны сверкнуть, Надеюсь, что слово — оно и останется словом, Надеюсь, что минет поветрие, стихнут шторма, И все возвратится на круги своя непременно. Нет, мы, безусловно, конечно же, за перемены, Хотя нас пугают они, как тюрьма и сума. В крутой поворот четко впишемся, как пелетон, Слепящий мельканием маек и спиц велогонки. Мы сжаты братьями с левой и с правой сторон, И нет пожелавших отстать и остаться в сторонке. Мы — те, кто всегда голосует восторженно «за», Мы приновились к любым изменениям погоды, Вперед — так вперед, а прикажут назад — так назад. И нам нипочем катаклизмы времен и природы.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Не топите ближнего, Не сводите счета, Ибо вовсе без того Хватит всем работы, Хватит горя и беды Нам на всех с лихвою. Совладай не с ближним ты, Совладай с собою. Совладай с желаньем красть, Врать напропалую,

Одолее лихую страсть Подличать втихую. Не стремись упавшего Приложить покрепче. Как ты будешь без него? Все же с ним полегче. Будет скучно без того, Изведешь кого ты. Не топите ближнего, Не сводите счета.

г. Нальчик.

Михаил КАНЕВСКИЙ

ПОЛЕНО

Брошу я в огонь полено. Ах, как весело ему Из соснового из плена Улетать в ночную тьму!

Полетит оно над лесом. — Здравствуй, лес. Физкульт-привет! Полетит оно в Одессу, Старый Свет и Новый Свет.

И полено станет небом, Станет тучей грозовой И над городом Пузбло Покачает головой.

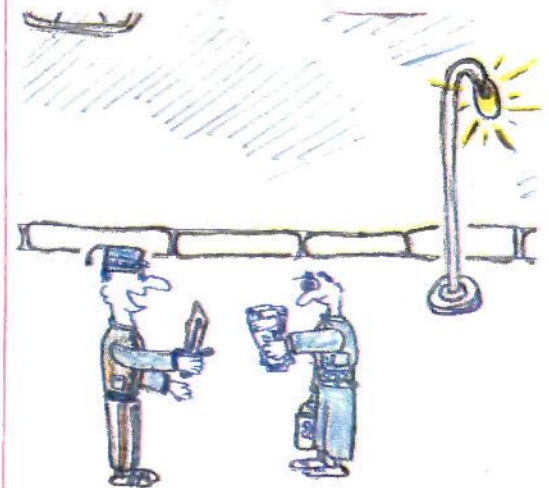
И заплачет горько-горько Ленинградскою слезой. — Ой, сосновая иголка. Лес любимый, край родной!

Как я пламенно горело И рвалось все время вверх! Я не то чтобы шипело, Я трещало громче всех.

И теперь я эвкалиптом, Баобабом, черт-те чем Прорасту, тихонько всхлипну И засохну насовсем.

КАПИТУЛИРУЕМ

Денис Зыкин из г. Павловска Ленинградской области прислал нам свой рисунок вместе с ультиматумом:

— Не нужны мне деньги, талоны гони.

Наконец-то мою карикатуру, а то я вам прислал еще десяток С уважением Денис Зыкин

Положение безвыходное. Пришлось напечатать.

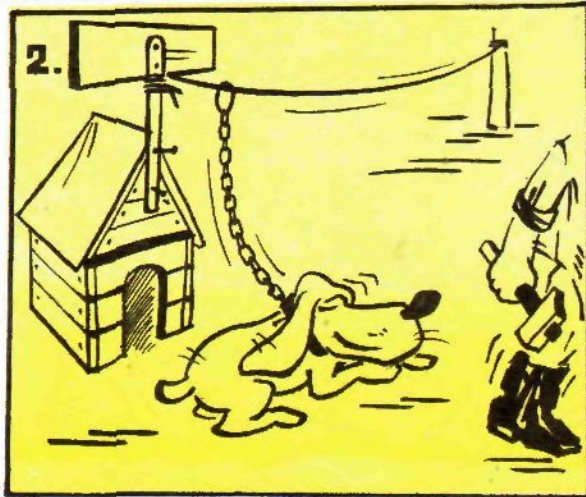
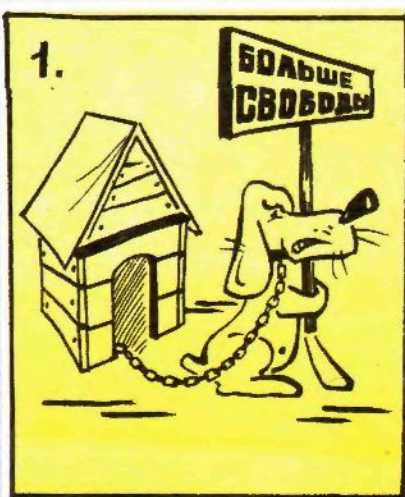
В. ПОЛУХИН, В. ТИЛЬМАН (тема).

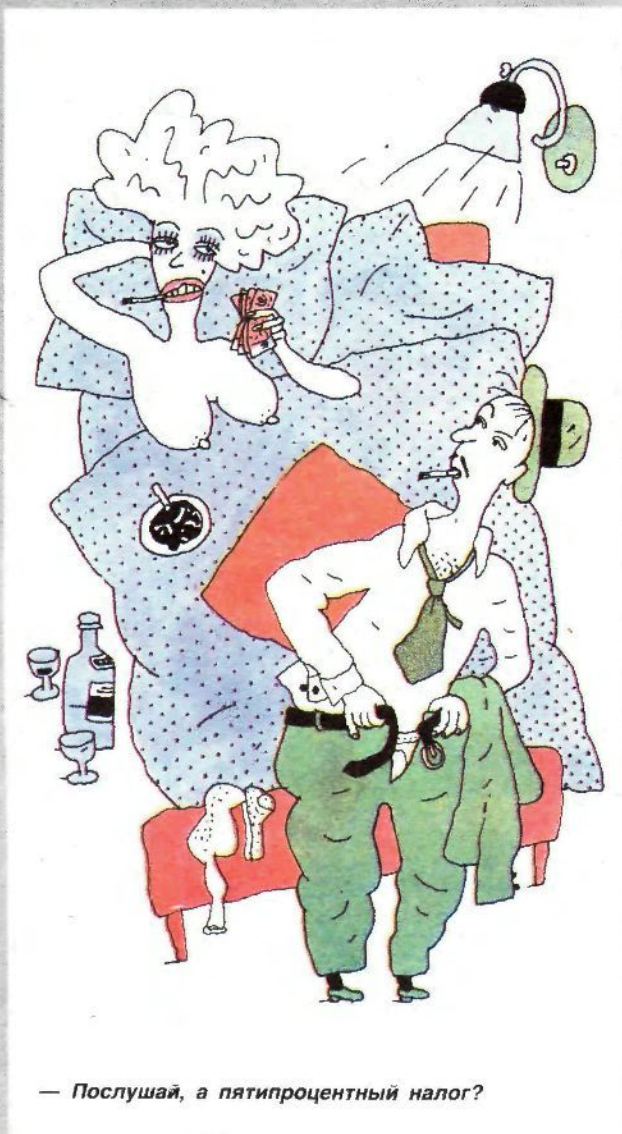
С. РЕПЬЕВ.

В. ТИЛЬМАН!

В. ПРИСМОТРОВ, Московская обл.

— Послушай, а пятипроцентный налог?

В. ДМИТРИЮК, С. РЕПЬЕВ (тема).

Владимир Бордаичев

ВАХТА ОДИССЕЯ

Эти греки древние!
Бессменным курсом их влечем по морям.
В небесах — Пегас, Телец и Овен,
то есть конь, теленок и баран.
Прямо хлев!
Поистине домашне
назван мир, безмерный для землян:
так привычной — как с плужком

на пашне —
бороздить великий океан.
Узнавался пахарь в мореходе.
Он и нынче двигателя пыл
исчисляет в каждом пароходе
в единицах лошадиных сил.
...Каравелла режет пенный гребень.
Зажигает ночь лампы звезды.
И бредет Пегас в полночном небе,
старый конь, не портящий борозд.

ПЕРОМ, КАК ТОПОРОМ

Не ведая ни страха, ни конфуза,
откормленный один служитель муз
почесыванье собственного пуза
являет тиражом на весь Союз.
И мы, в грехи шершавые ярыги
вникая, удивляемся: «Дела!
Ужель, чтоб напечатать это в книге,
живая роща спилена была?
И для его, из дуба-матерьяла,
стола ужели столь же претерпел
утрату лес, где сказка обитала
и «темный дуб склонялся и шумел»?..
В убыточный вникая этот вывих,
что я скажу о стихотворце, в ком
теченье мыслей связано (ленивых)
с топорным, вот уж точно, языком?
Хочу, чтобы, не ведая печали,
в несгибших кронах, вросших в небеса,
стволы дерев могучие качали
пернатых стай живые голоса.

СЛУЖЕБНЫЙ КАЗУС

Прозе жизни следующий,
кое-чем заведующий,
письма в почте утренней
выбрав наугад,
на конверте с именем
«Муза Серафимовна»
для чего-то галочку
сделал бюрократ.
Полетела галочка
по полям бумажным,
в письмах шаловливые
дела штрихи.
Вместо резолюции,
к удивлению граждан,
выдавалась лирика,
белые стихи.
Вызывали «Скорую».
Отпуск предлагали.
Только съехал труженик
с прежней колеи.
Он теперь на пенсии.
Пишет мадригалы.
Носит по редакциям
опусы свои:
«Тук-тук!»
«Кто тут?»
«Параноик».
«Парами не заходить.
Следующий!..»

САМОУБИЙЦЫ

Газеты сообщают, что защитный
озонный слой над нами стремительно раз-
рушается соединениями фреона, приме-
няемыми в мировом холодильном и аэро-
зольном производстве.

С этой вестью набатной
в себя загляни:
«Разрушен озоновый слой Земли...»
Не фантаст развлекается это:
разрушается наша планета.
С приполярных,
снегами увенчанных зон
пузырем совлечен драгоценный озон,
и ничто уже здесь не спасется
от прямой радиации солнца.
Что за зверь налетает и жрет на лету
всю защитную пленку озонную ту?
Выпускается нашей он волей
из баллончиков аэрозолей.
Как в байкальский (отраву гоня) водоем,
мы на плоскую кнопку нажим выдаем:
мол, озонная ширь всепланетна,
ей потрава моя незаметна.
Так, себя только ради, шустрим на беду:
мол, пускай будет засуха в общем саду,
лишь моя б зеленела куртина...
И мораль эта всеразвратима.
Значит, если владычит — вразбрызг и вразброс —
на заряды в баллончиках бешеный спрос,
извлекая, производственный, прибыль
на всеобщую тихую гибель!
Ведь, съедая озон,
без войны, говорят,
нам заменит любой термоядерный ад
эта палец влекущая знобка
бытового баллончика кнопка.

БУХТА БАРАХТА

Никакому моряку
(в стольких морях-то!)
не встречалась на веку
Бухта Барахта.
Но в беседе невпопад
реплика бухти —
сам себя увидишь над
пальмами бухты.
Там, конечно, есть курорт
(близко от моря).
Если бухта — значит, порт
встал на просторе.
Там, конечно, всем подряд
розданы яхты.
Там, понятно, говорят
с бухты-барахты.
Ну а плавящимся днем
пляж так и тянет,
чтоб барахтались на нем
власть барахтающие.
Вместе с солнышком, с утра
вставшим на вахту,
покидают сейнера
бухту Барахту.
И пока за валуны
солнце не канет,
будут золота полны
волны и камни.
Если сказке, старина,
друг, а не враг ты,
пусть в тебя плеснет волна
бухты Барахты.

МОРАЛЬНЫЕ УРОКИ

Выдвиженцы народа,
чуть не каждый — трибун,
мы пахать хлебороба
бойко учим с трибун.
А ведь встарь, понемножку
изживая застой,
за крестьянскую сошку
становился Толстой.
Время новое, скажете,
внеклассичная высь...
Но в комбайне на пахити
вы хотя бы тряслись?
Для какого ж вам лешего
балаганный припляс?
Вам примера светлейшего
устыдиться б хоть раз.
Воспаряя над пожарами
с нашим словом пустым,
мы привычным: «Сапожники!» —
чью-то совесть честим,
вновь забыв в этом выкрике,
что в одежде слуги
граф садился за выкройку
и тачал сапоги...
То с надменностью вящего,
то с надмирностью той, —
о витии, бубнящие
на волне скоростной!
Нас Толстого печатать
вряд ли сдержит, положим:
как не мог он молчать,
мы умолкнуть не можем.

г. Воронеж.

Оказывается, у Семипалатинска
и Москвы есть немало общего.
Начать хотя бы с того, что Се-
мпалатинск, по преданию, происхо-
дит от семи палаток, существовавших
в начале 18-го века. Москва же по-
строена на семи холмах. А ведь изве-
стно, что цифра семь — магическое
число, обладающее особыми свой-
ствами, до сих пор не разгаданными.

Впрочем, свойствами семерки
пусть занимаются математики и ча-
родеи, это по их части. Мы же погово-
рим о других свойствах, которые ха-
рактерны для обоих городов.

Наш постоянный читатель из Се-
мпалатинска Ю. Андреев прислал
в редакцию несколько вырезок из ме-
стной прессы. Нет, это не какие-ни-
будь сенсационные сообщения, вол-
нующие чувства или распалаяющие
воображение. Вырезки повествуют
о весьма обыденном явлении: об-
мене жилья. Кто-то меняет комнату
в коммуналке на двухкомнатную
квартиру со всеми удобствами. Кто-то
хочет перебраться из Омска в Семи-
палатинск. Есть даже объявление об
обмене на Семипалатинск квартиры
на Южном берегу Крыма, в Алуште.
Представляете, как котируется этот
город в казахстанских степях, несмо-
тря на близость атомного полигона!

Но Ю. Андреев прислал данные
вырезки не для того, чтобы похва-
стать популярностью своего родного
края. Дело в том, что в каждом из
объявлений имеется любопытная
приписка: «Цемпоселок не предла-
гать».

Что такое «цемпоселок»? А это по-
селок рядом с цементным заводом.
Ну, а что представляет собой цемент-
ный завод, думаю, понятно каждому.
Это пыль, грязь и вредные выбросы.
Не считая собственных данному на-
селенному пункту перебоев с продук-
тами, электричеством и прочими жи-
тейскими «радостями», что и для
других пунктов не внове.

Словом, прочитал я это письмо

КИНОЗУБ

Есть у меня такая давняя привычка —
записывать все фильмы, которые по-
смотрю, в записную книжку. Очень
удобно, знаете ли. Как только начинает про-
резываться очередной «Кинозуб», я открываю
свой талмудик, и — пожалуйста, пара-
тройка примеров на предмет оттачивания
критического остроумия всегда под рукой.
Вот и сейчас открыл и обрадовался: зvon
сколько претендентов набралось! Добрый де-
сяток. Но начал выбирать и затосковал.
Боже, я же про них уже писал — и не едино-
жды. Только назывались они по-другому,
а так — и сюжет, и герои, и антигерои, и анту-
раж, — ну, просто один к одному. Просто
близнецы-братья какие-то. С одной сторо-
ны — мафия, с другой — коррумпированные
органы, а промеж ними — герой-одиночка,
как что-то там в проруби болтается.

«Облава на одичавших собак» («Узбек-
фильм»). Лапа, сбежавший из-под следствия
по «хлопковому делу», исповедуется сыну
в шикарной обкомовской резиденции. Но ма-
фия не дремлет, и в финале сынок рыдает
над смертельно раненым папашей...

Еще про собак. Но теперь — «Не будите
спящую собаку» («ТИСкино»). Про обаятель-
ного жулика, пытающегося шантажом выма-
нить у мафии ее несправедно нажитые мил-
лионы. Настоящие мафиози будут рыдать от
смеха, глядя на своих экранных глуповатых
коллег.

«Охота на сутенера» («Латерна»). Наш
отечественный сутенер-одиночка, любящий
красивых девушек, свою работу и собствен-
ную маму, вступает в конфликт с Организа-
цией. В результате чего ему сильно портят
лицо. Мораль: заниматься любимым делом
можно только в родном коллективе.

Еще раз про любовь. На сей раз — «Лов-
кача и Хилпозы» («Мосфильм»). Он доброде-

ОБМЕН БЕЗ ВАРИАНТОВ,

или Столица
с поселковой судьбой

ни гостям столицы, то возникает интересный вопрос: а чем Москва лучше цемпоселка?

Ю. Андреев пишет, что «очередь за хлебом можно внести в Книгу рекордов Гиннесса: самая длинная на земном шаре — в цемпоселке». Опять же «кабельный завод приступил к ремонту котельных установок, когда начались морозы».

Как говаривал бравый солдат Швейк, аналогичная история случилась с нашей полковой кобылой: в столице то в одном, то в другом районе происходят аварии теплосети, потому что вовремя не отремонтировали. Очереди за хлебом, правда, сейчас поубавились, зато в Книгу рекордов вполне можно занести очереди за всеми прочими пром- и продтоварами в московских магазинах. А в свете событий с молочными продуктами, когда, словно сговорившись, девять областей перестали поставлять молоко в Москву, становится понятным стремление некоторых, как сейчас принято говорить, «деструктивных сил» устроить москвичам веселую жизнь.

С одной стороны, несмотря на массу решений, из Москвы упорно не выводятся предприятия, которые душат людей своими выбросами. С другой стороны, никто не желает оснастить автомобили катализаторами для нейтрализации выхлопов, как это давно уже практикуется в развитых странах. И сереет Москва от неизбежной грязи, от мрачных очередей, от свинцового неба...

Положительно, в ситуации цемпоселка оказалась дорогая наша столица. И теперь в объявлениях об обмене жилья в пору писать: «Москву не предлагать». И прикладывать таблицы из брошюры о состоянии окружающей среды, а также индекс цен на столичных рынках, которые любого могут привести в состояние тяжелого шока.

Юрий БОРИН.

Р. ДРУКМАН.

ВООРУЖИЛИСЬ

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.

ПРОЩАЙ, «МАЙ ДРЯНЬ», ПРОЩАЙ...

жает, дела «шьет», но только до приезда столичного адвоката, который ставит все с головы на ноги. Правда, поскольку он действует исключительно законными методами, в финале всех нехороших повышают по службе, а ему остается только утешаться собственной принципиальностью.

Нет, другой герой нужен, совсем другой. И он уже давно присутствует на экране. Это доблестный «афганец», который перенес боевые действия на территорию нашего экрана. В «Динозаврах XX» («Катарсис») он доблестно сражается с узбекской и московской наркомафией, как и его близнец из «Дряни» (киностудия имени А. Довженко). Хорошо бы им в следующем фильме встретиться — глядишь, вдвоем и очистили бы весь пока еще существующий СССР от разной уголовной нечисти.

Но стоп! Я еще и до половины своего списка не дошел, а писать об этих фильмах стало невероятно скучно: до того они на одно лицо. А каково смотреть-то?! Тут, как шутил один мой коллега, только по приговору народного суда. Да и то, по-моему, для зрителей это «высшая мера».

Эх, помнится, в свое время публично обращался к «важнейшему из искусств»: «Дашь хорошую комедию! Дашь хорошую мелодраму!» Сейчас уже так высоко не залетаю. Хоть какую-нибудь, хоть средненькую комедию или мелодраму жажду. Потому как «Дрянью» смотреть, а потом еще о «Дряни» же и писать — сил никаких нет.

Так что нижайшая просьба к вам, товарищи кинематографисты. Подайте кинокритику что-нибудь «на зубок», но по возможности более или менее съедобное. Про мафию просьба не предлагать. Сыт по горло.

П. СМЕРНОВ.

и по-человечески пожалел жителей цемпоселка. Но тут в самый разгар этих естественных эмоций мне попалась на глаза невзрачная брошюра, изданная в 1990 году Гидрометеоздатом, которая называется по-будничному просто: «Обзор состояния окружающей природной среды в СССР».

Так вот, как выясняется из брошюры, состояние окружающей природной среды в СССР оставляет желать много лучшего. В частности, на одной из первых страниц помещена таблица: «Города СССР с выбросами вредных веществ более 200 тысяч тонн в год». В таблице числится 64 города. На самом почетном месте стоит Норильск, в котором количество выбросов составляет два миллиона триста шестьдесят восемь тысяч тонн. На втором — Кривой Рог, где количество выбросов на миллион тонн меньше. А на третьем, как вы думаете, какой город? Москва, столица нашей Родины. Количество выбросов в нем составляет 1113 тысяч тонн в год. А если учесть, что в другой таблице («Список городов с выбросами автотранспорта более 100 тысяч тонн в год») Москва занимает первое место (801 тысяча тонн) и выбросы эти (вместе с предыдущими) — пыль, двуокись азота, окись азота, фенол, формальдегид и аммиак — отнюдь не прибавляют здоровья ни москвичам,

тельный, но занявшийся перегонкой краденых машин, она хиппует и покуривает «травку», но целомудренна. И опять тут как тут мафия. Его пристрелят, ее изнасилуют. Жаль. А счастье было так возможно...

«Савой» («Мосфильм»). Мафия бессмертна, в чем герой убеждается ценой собственной жизни. Единственное светлое пятно в фильме — это намек авторов, что все ужасы героя только приснились. Тут я его понимаю: насмотришься такого вот «кина», еще не то может присниться.

«Нелюдь», например. Это про то, как мафия у мафии (уголовная у торговой) ребенка ворует, а милиция хочет, но не может (в смысле — помочь). А посему сплошные убийства начинаются...

«Убийство свидетеля» («Ноосфера»). С помощью акаванга, если не ошибаюсь. А дальше — типичные трудовые будни мафии: трупы, сладкая жизнь, вражда кланов, любовницы. Вот с ними-то мафиози и запутываются окончательно: где чья — не разберешь. Авторы, похоже, тоже. А посему на всякий случай убирают в финале всех, кто хоть эпизодически мелькнул в фильме.

А вот в «Убийстве на Монастырских прудах» («Ленфильм») все наоборот. Тут продажная милиция бесчинствует. Невинных са-

Тогда я еще не был переводчиком. И вообще никем. Куском мяса для большой мясорубки. Мясорубка называлась Курская дуга, и меня повезли в сторону Курска. Но по дороге почему-то передумали и пересадили на поезд, который шел в противоположном направлении. На Дальний Восток. На границу с Японией.

Ехали мы долго. Месяц. И наконец прибыли в медвежий угол, который назывался «Русские край». И действительно казалось, что здесь кончается все русское и вообще все кончается. Край света. И если встать на колени и хорошо перегнуться за этот край Земли, то увидишь черный космос, как на картинке в детской книге. Короче, дыра дырой, дырее не бывает.

В части я был самый молодой, практически подросток. Меня любили «по-своему». «По-своему» — значит издевались. Не зло, добродушно, как дразнят котят или щенков, с преимущественной долей теплоты, но все же дразнят. Моим однопольчанам казались забавными мои очки, малый рост, нежелание материться и пристрастие к стихам. Состав у нас был рабоче-крестьянский. Интеллигентскую прослойку представлял я один. Меня звали «недолугий». Что это значит, я не знаю до сих пор. Может быть, недоделанный. Но это не так. Я писал солдатам, вернее солдатским девушкам, письма в стихах. Мне доверялось самое святое. Так что недоделанным я считаться не мог. За сорок пять лет я пролистал практически все словари, но слова «недолугий» так и не встретил. Видимо, это словотворчество.

Я сочинял письма другим, а своей девушки у меня не было. Была только мама, которую я любил с тех пор, как помнил себя. Она была по-настоящему красивой и по-настоящему умной. Она умела различать в жизни крупное и мелкое и не путать одно с другим, и в ней не было шелухи, свойственной глупым людям. А еще мама была модница и очень веселая. Человек-праздник. Я всю жизнь искал женщину, похожую на маму, но так и не нашел. Она была одна. И в каком-то смысле она испортила мне жизнь. Когда смотришь на солнце, то потом ничего не видишь вокруг себя. Одни зеленые пятна. Хотя вокруг может быть много ценного.

Я родился недоношенным, рос слабым и действительно выглядел «недолугим» рядом с мамой. Когда нас видели вместе, то в каждом глазу я читал: «Такая мама и такой сын...» А некоторые прямо так и произносили. Именно этим текстом. С тех пор я ненавижу бесцеремонных людей. Бесцеремонность — это вид хамства.

Я любил маму еще потому, что она любила меня. Я казался маме невероятно умным, почти вундеркиндом, и невероятно обаятельным. Больше я никому не казался таким. И рядом с мамой меня никто не мог унижить.

Это чувство — отсутствие унижения — я испытывал в двух случаях: с мамой и на Западе, куда я стал ездить как переводчик немецкой поэзии.

Самое большое унижение — это страх. Но Сталин мог играть только на такой гитаре, когда все колки закручены и струны напряжены до последнего предела.

Ко мне иногда приходят странные мечтания: хорошо бы Сталин воскрес и явился на Верховный Совет послушать — как и чего. Явился бы и сел в президиум и приготовился к привычному славословию. А ему бы депутаты-демократы каждый по очереди вломил бы все, что о нем думают. Хотел бы я посмотреть на его усатую узколобую тяжелую рожу... Он бы глазами — туда-сюда: где Берия? Где сталинские соколы? Другие лица. Другие времена...

А еще я мечтаю, чтобы воскресла царская семья и вошла бы в зал Верховного Совета. Царевич в матроске, а девушки в белых платьях. И зал бы приветствовал их стоя и плакал. И они сами тоже плакали.

И вся страна перед телевизором плакала бы. И после этого настало бы в нашей жизни что-то очень хорошее. Потому что на невинной крови ничего нельзя выстроить. Вернее, можно: то, что мы выстроили... Да... Так о чем я? О маме и папе.

Папу я тоже очень любил, но он был из тех, кто предпочитал жить в свое удовольствие. Если, скажем, он устремляется к кухне выпить воды, а на пути — кошка, он отшвырнет ее тапком. Не убьет, не приведет господь, но отшвырнет, потому что кошка на пути к цели.

Как правило, такие люди не умеют думать ни

о чем, кроме своей цели. Хорошо, если цель крупная. Крупнее стакана воды. У отца не было друзей, и он был одинок в конечном счете.

Я сделал вывод: надо жить в свое удовольствие, но своим удовольствием избрать делание добра — добродетель. Все взаимосвязано: ты убодряешь (опять от слова «добро») — тебе растет. И на земле. И в душе.

Жил отец долго, до девяноста лет, поскольку ничего не брал в голову, нервы у него были крепкие, как веревки. Под конец как бы сбрендил, но он сам этого не заметил, и мы тоже не замечали, потому что перестали в него вникать задолго до того, как он сбрендил.

Но о чем это я? Защита восточной границы не занимала моего ума. Я томился каким-то лучезарным томлением и все время чего-то ждал: конца войны, победы над врагом, возвращения к мирному времени, в котором я задохнусь от счастья. Именно задохнусь, именно от счастья. А мясорубка войны работала неустанно и у нас, и у немцев, и Гитлер с Евой Браун уже отпраздновали в бункере свою свадьбу, чтобы в законном браке отметить следующее мероприятие: свою смерть.

И Магда Геббельс уже взяла мужа под руку и пошла с ним в последний путь, ожидая пули в затылок.

А я томился своим лучезарным томлением, и кончилось все тем, что влюбился в местную девушку. От нее восхитительно пахло простым мылом. До сих пор помню этот запах и ее натянутый лобик. Кожа такая гладкая, что блестела. Глаза голубые-голубые, доверчивые. А мне не доверяла, и уговаривать пришлось долго. Я клялся, божился в вечной любви и сам себя уговорил. Я действительно влюбился, как это бывает в двадцать лет. Бывает и позже, и в сорок, и в шестьдесят, но тогда включается опыт. А в двадцать лет ничего не включается, одна сплошная любовь. Я ходил и бредил, бормотал стихи. Наверное, тогда я становился поэтом.

Моя девушка мне не доверяла и правильно делала. Война подходила к концу. Солдаты разведутся и тоже правильно сделают: кому охота застревать в этой дыре, когда победа не за горами, и вся жизнь впереди, и Родина воздаст солдату, отблагодарит за победу. Но Сталин считал, что благодарность — это собачья болезнь. Родина тебе ничего не должна, ты ей должен все и всегда.

Мы еще этого не знали. Мы верили. Любили. Были молоды, а молодость сама по себе сокровище, независимо от того, в какое время она опущена, твоя молодость.

Я сначала не особенно нравился моей девушке: маленький, очкастый, нерешительный. У нас такие орлы были — Валерка Осипов, например: высокий, статный, глаза горят мрачным пламенем. Говорили, сама генеральша, жена генерала Самохвалова, голову потеряла до того, что за генерала обидно.

А я что... Зато я знал много стихов. До сих пор не понимаю, как у меня в голове столько умещалось. Целая библиотека. Вот сейчас, например, вся память стерлась. Даже имена не помню. Встречаю знакомого, думаю: как его зовут? Ставлю себе вопрос: КАК ЕГО ЗОВУТ? Мысленно отвечаю: ПАВЕЛ. И только после этого: «Здравствуйте, Павел».

А тогда... Моя девушка, конечно, ничего не понимала в поэзии. Она работала в деревне почтальоном. Но ее слух завораживали рифмованные строчки. Она как бы впадала в гипноз и, находясь под гипнозом, могла поверить во что угодно. В то, что я умный, например, и необыкновенный. Все обыкновенные, а я нет. В этом она совпадала с мамой. Вообще я заметил, что любовь обряжает человека, высаживает клумбы у него на голове. А ненависть раздевает догола, и человек становится серийный, заурядный, в общем ряду и даже в хвосте человеческого ряда.

Моя девушка считала меня необыкновенным, а раз я выбрал ее, то свет избранности лежит и на ней, моей девушке. И ей уже хотелось быстрее окончить свою работу, видеть меня, слышать и уважать.

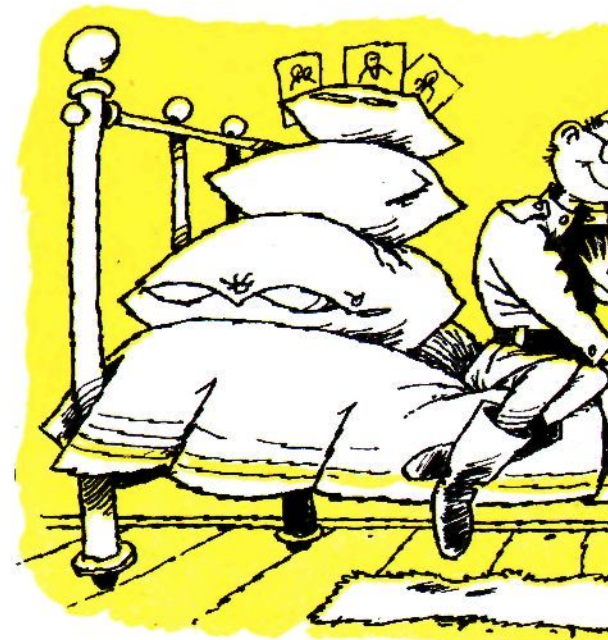
Однажды ее мать уехала в соседнюю деревню обвивать погибшего деверя. Война все еще шла, гибли отцы, и дети, и девери, и шурины, и свояки, и вой стоял над Россией, как пар над закипающей кастрюлей. Кто такой деверь, равно как и шурина, я не знаю до сих пор. Но это не важно. Важно то, что я читал ей стихи не на улице, а у нее дома. Над столом висел абажур, к стене прилепились бесценные фотографии.

Я принес банку американской тушенки и стученное молоко. Тушенку она прибрала на потом, а стученное молоко мы ели с хлебом. Сорок пять лет прошло, а я помню, как было вкусно. С тех пор я много пробовал изысканных блюд, например, дыня с креветками, обезьяньи мозги, устрицы, да мало ли чего придумало сытое человечество. Но такого гастрономического наслаждения я не испытывал никогда. Мы ели и неотрывно смотрели друг на друга, что тоже было большим счастьем. Два счастья: зрительное и вкусовое.

Потом мы легли на кровать одетыми. Мы не раздевались и тем самым как бы заключили уго-

Виктория
ТОКАРЕВА

КАК Я С ВОЙНУ

вор: ничего не будет, просто так полегим. Мы просто целовались, каждый поцелуй длился все дольше. Незаметно включились руки. Я довольно быстро нашёл руками то, что искал. Она дернулась, но я каким-то образом дал понять, что уговор в силе, опасности для нее нет, что дальше жеста дело не пойдет. Моя девушка поверила, расслабилась.

Я поразился, до чего незащищенно-нежной бывает человеческая плоть, как лепестки мака. Я, как слепой, осторожно исследовал миллиметр за миллиметром.

Дело двигалось в неотвратимом направлении, так подбитый самолет может устремляться только вниз и ни в коем разе вверх.

Я пытался растегнуть свои одежды, моя девушка мне помогала и тряслась, как в ознобе, наши пальцы сплетались, путались. Ничего не имело значения: ни моя мама с ее высоким уровнем, ни война, ни будущее моей девушки, только настоящее, сиюминутное, сейчас.

«Блажен, кто, познавая женщину, охранен любовью». Я был охранен любовью, а потому блажен и подвигался к главному событию своей жизни. Но в этот момент, за секунду до главного события, постучали в окно, и жизнерадостный голос Семушки громко сообщил:

— Левка, тебя в штаб вызывают.

Этот стук и голос ударили меня, как дверью по лицу, и полностью выключили из состояния любви.

Семушкин знал, куда я пошел, доложил остальным, и они всем скопом решили поразвлечь-

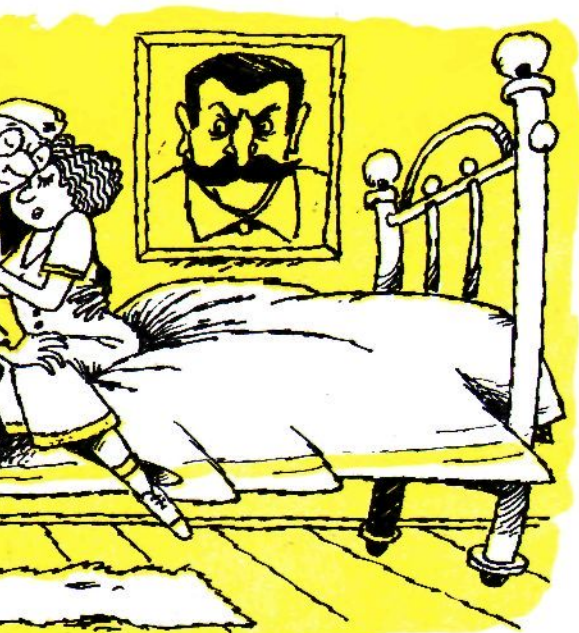
ся. Что им до моей любви?.. А когда я вернусь, меня встретит дружный хамский гогот, потому что смехом это не назовешь. Коллективное ржание. Коллектив.

Я застегнул свои солдатские брюки. Я так ничего и не свершил. И слава Богу. Какой был бы ужас, если бы моя девушка теряла невинность под окрик Семушкина. Это осталось бы с ней на всю жизнь.

Что я мог сделать? Я мог встать, разыскать Семушкина и набить ему морду. Я зажмурился и представил в подробностях, как я посылаю кулак в бесцеремонную наглость всего человече-

Рассказ
переводчика

ОБЪЯВЛЯЛ ЯПОНИИ

ства, и эта наглость имеет черты Семушкина. Я ненавидел и лежал в ненависти, как в кипятке. Сейчас я понимаю: ненависть — это тоже страсть.

Сейчас я уже не могу так остро ненавидеть. Бывает, конечно: взметнется ненависть, как волна, и тут же опадет, и только пена на поверхности, а потом и пена рассеется. Жалко тратить здоровье на ненависть: давление скачет. Голова болит... Да... Лежу. Ненавижу. Моя девушка, она так и осталась девушкой, принялась утешать меня. Она низко наклонилась над моим лицом и шептала что-то нежное, утешающее душу. Ее шепот касался моей кожи, я слышал губами, как шевелятся ее губы. Но я настаивал на обиде, как будто моя девушка была виновата в хамстве Семушкина. Мы как бы поменялись с ней местами: это я боюсь потерять невинность, не дай Бог забеременеть и остаться с ребенком на произвол судьбы.

Постепенно ее шепот и нежные увещевания взяли свое, я тихо-тихо начал перестраиваться на прежнюю стезю. Начал все сначала: с поцелуя. Я уже не был новичок, я уже знал, что за чем и в какой последовательности.

У Бернса есть стихи в переводе Маршака:

«А грудь её была кругла, как будто ранняя зима своим дыханьем намела два эти маленьких холма. Был нежен шелк ее волос и завивался, точно хмель, и вся она была чиста, как эта горная метель. Она не спорила со мной, не открывала милых глаз...»

Моя девушка тоже не спорила со мной. Была готова на все. Красный свет запрета переключил-

ся на зеленый. Путь был открыт, но в этот момент снова раздался стук в окно и раздраженный голос Семушкина прокричал:

— Левка! Ну какого хрена? Тебя в штаб вызывают!

Я откинулся на подушку. Во мне разлилась немота и плот, и духа. Ну, как можно жить в этом мире, где Бернс и Семушкин и где Семушкин оказывается реальнее?

— Слушай, а может, тебя действительно вызывают? — предположила моя девушка.

Коварство было ей не свойственно, и она не предполагала его в других.

Я посмотрел на часы. Шел второй час ночи. Кто вызывает в такое время? Но так или иначе ночь была испорчена. Я оделся и пошел в штаб. На всякий случай.

Если меня не вызывали, я вернусь и застрелю Семушкина. Правда, у него тоже есть мама, и придется ей писать письмо и объяснять причину. Причина в маминых глазах будет выглядеть неубедительно. Ладно, не застрелю. Но изметелю. Буду топтать ногами. Я как-то не учитывал, что Семушкин на треть метра выше меня и на тридцать килограммов тяжелее и вряд ли он захочет лежать под моими ногами и меланхолично сносить мою ярость. Было прохладно, я шел скоро и ходко. Пространство и время постепенно выветривали из меня мою ненависть. Я решил, что воздействием словом тоже очень сильное воздействие, надо только найти единственно нужные слова и правильно их расставить.

Я мысленно намечал тезисы и не заметил, как дошел до штаба. Штаб располагался в деревянной избе. Я вошел и замер от золотого сверкания. Передо мной в золоте погон и наград, как иконостас, стоял сам маршал. Я узнал его по портретам. Возле маршала присутствовал генерал Самохвалов. Он всегда казался мне величественным, монументальным, но сейчас как-то пожух и потускнел, как будто маршал вобрал в себя весь свет, оставив все остальное в тени — и деревянную избу, и генерала Самохвалова, и меня вместе с моей любовью.

— Печатать умеешь? — спросил маршал.

На столе стояла пишущая машинка фирмы «Континенталь». Такая же стояла у меня дома, на письменном столе.

— Умею, — сказал я.

Я понял, что меня искали как самого образованного солдата.

— Садись, будешь печатать, — велел маршал каким-то домашним, бытовым голосом.

В Америке, например, булочник и президент не то чтобы равны... Нет, конечно, но это два человека с разными профессиями. Один правит страной, другой печет хлеб. Но они оба — люди. Сталин вбил нам в голову иную дистанцию: он — голова в облаках, а ты — заготовка для фарша в его мясорубке. Поэтому, когда сталинский сокол нормальным голосом спрашивает тебя, умеешь ли ты печатать, тут можно в обморок упасть.

Но я не упал. Я сел за машинку, а генерал Самохвалов стал диктовать мне текст. В нем сообщалось, что такого-то и во столько-то Советский Союз объявляет войну Японии. Такого-то — это сегодня, в шесть часов утра. А сейчас два часа ночи. Значит, через четыре часа.

Я отстукал двумя пальцами продиктованные слова. У меня вспотели ладони.

— Можешь идти, — отпустил маршал.

Я поднялся на ватных коленях.

— За разглашение тайны расстрел без суда и следствия, — предупредил Самохвалов. — По-нял?

— Да, — сказал я.

Это значит, если я сейчас выйду из штаба и кому-нибудь расскажу, что через четыре часа начнется война с Японией, в меня тут же выстрелят, а потом заронят на полтора метра в землю вместе с моим лучезарным томлением, стихами, моей плотью, никогда не познавшей женщины.

— Ты меня понял? — еще раз переспросил Самохвалов.

— Да, — подтвердил я.

Я повернулся и пошел и был уверен, что мне выстрелят в спину. Мир сталинской политики и уголовного мира имели одни законы: не оставлять свидетелей. Может, не скажет, а вдруг скажет? Зачем рисковать?

Я шел и ждал, как Магда Геббельс, с той разницей, что в нее должны были выстрелить по ее желанию. Она сама об этом попросила.

У тела свои законы. Когда оно ждет любви, оно

устремляется к предмету любви, выдвигая навстречу все, что может выдвигаться. Когда оно ждет смерти, оно сжимается до плотности металла, и даже кровь как будто прессуется, а глаза вылезают от нечеловеческого напряжения. Мне казалось, что сейчас мои глаза вывалятся из орбит и скатятся на землю, как две большие густые слезы... А что я мог сделать? Я мог только идти. И я шел. И ждал спиной, участком между лопатками, и от этого мое тело выгибалось, как будто я хотел вобрать в себя свою спину.

Никогда больше я ТАК не боялся.

Вообще в тот вечер, вернее в ночь, я впервые испытал главные человеческие состояния: ЛЮБОВЬ, НЕНАВИСТЬ, СТРАХ.

Я и позже любил, ненавидел, боялся, но уже по-другому. С иммунитетом.

Я шел, а выстрела все не было. Я больше не мог находиться в безвестности, обернулся и увидел, что расстояние между мной и штабом пусто. Никто за мной не идет и никто не целится. Может быть, маршал и Самохвалов сели пить чай. Объявили войну и уселись за самовар или за рюмочку, отметить мероприятие. А возможно, легли спать. Ведь уже третий час ночи. Даже птицы спят в это время.

Напряжение во мне спало и единомоментно превратилось в свою противоположность. Я был уже не твердое тело, а какая-то желеобразная субстанция, которая не могла держаться на ногах. Я привалился к дереву. Мои внутренности будто опали и осыпались в конец живота и пульсировали как попало.

Идти я не мог. Да и куда? К моей девушке? Но запретная тайна заполняла меня от макушки до пят, и для любви там уже не было места. В казарме — Семушкин. Я приду, Семушкин проснется и спросит:

«Зачем тебя в штаб вызывали?»

Я скажу: «Да так, ни за чем».

«Ни за чем не вызывают, — не поверит Семушкин. — Говори...»

И я не смогу соврать. Не сумею. Ложь и тайна (что тоже форма лжи) не удерживаются во мне, как испорченная пища. Мне хочется исторгнуть это из себя, иначе наступит полное отравление организма. Я физически не умею хранить тайны. Из меня никогда не вышел бы шпион.

Я решил пересидеть в лесу до шести утра, до тех пор, пока не начнется война.

— Левка! — услышал я ленивый голос. — Поди сюда!

Я обернулся и разглядел фигуру Валерки Осипова. Он стоял в сером тумане раннего утра и мочился.

— Чего тебе! — Я не двинулся с места. Подозрительно следил за Осиповым. Он мочился шумно и мощно, как конь.

— Иди ближе. Что, я орать буду?

Я сделал два шага в его сторону и снова остановился на безопасном расстоянии.

— Ну подойди, ей-Богу...

Валерка стоял такой полноценный, уверенный в себе. А я такой запуганный, зачуханный, что мне стало обидно за себя.

Я подошел вплотную и бесстрашно посмотрел в его глаза. Снизу вверх, но как бы на равных.

— Ну, чего тебе? — небрежно поинтересовался я.

— Наши войну Японии объявили, — сообщил Валерка, застегивая штаны.

Я огоропел.

— А ты откуда знаешь?

— Мне Самохвалиха сказала: приходи, говорит, ночью. Мой в штаб уйдет. Я говорю: а вдруг вернется? Не вернется, говорит, они сегодня Японии войну объявят. — Валерка застегнул штаны и пошел — легко и красиво, свободный ото всех лишних наполнений в организме.

Я до сих пор помню, как он шел в рассветной мгле и как вообще передвигаются молодые и счастливые люди.

В меня вдруг вернулась упругая сила, и я всю ее употребил в скорость. Я бежал к своей девушке и стучал, стучал, стучал... Она открыла мне — сонная, незащитная, в шелке волос.

Война с Японией закончилась двумя бомбами на Хиросиму и Нагасаки. Я объявил войну, американцы закончили. Но это было через несколько месяцев.

А сейчас я прижимал к себе мою девушку, как будто держал в руках свою возвращающуюся жизнь. А так оно и есть, ибо ЖИЗНЬ и ЖЕНЩИНА — это одно и то же.

Андрей ВАВРА,
специальный корреспондент Крокодила

Кто первый?

В детстве у меня была игра под названием «Кто первый»: разграфленное поле, горсть фишек и кубик. Бросаешь кубик и передвигаешь фишки, норовя прийти к финишу раньше своего партнера.

Думаю, что сегодня эта игра приобрела особую актуальность.

Прибыть первым сегодня надо не просто из-за какого-то там тщеславия. А просто потому, что всем может не хватить. И даже больше того — потому, что всем безусловно хватить не может. Вот оттого и желательно у прилавка оказаться самым первым. Или на крайний случай хотя бы в первом десятке.

Но желающих оказаться в этом первом десятке обычно бывает слишком много. И потому перед входом в магазин привычными стали металлические ограждения. А также внушительные фигуры стражей общественного порядка. Нынче проблемы справедливого распределения без них никак не решить. Без них может случиться давка, кто-то начнет беспардонно орудовать локтями. Слабых затопчут, робких ототрут. Словом, распределение будет происходить не в порядке общей очереди, а через безобразия и скандалы с телесными повреждениями разной тяжести. И все достанется самым сильным и самым наглыв.

Так что большое спасибо тем товарищам из милиции, которые стерегут порядок в местах продажи товаров повышенного спроса.

Впрочем, одно маленькое наблюдение никак не дает мне покоя. А именно: не так давно пришлось мне с талончиком на право покупки побывать в ЦУМе. И там очень скоро после начала торговли эти самые стражи порядка оказались навьюченными разными коробками и свертками. И так они были озабочены приобретением товаров повышенного спроса, что где-то даже отчасти и позабыли про свои обязанности в части наведения порядка.

Понимаю, начальство, видимо, недостаточно думает про материальные проблемы рядовых работников милиции. Но что с того, что я это все понимаю? Ведь страж закона олицетворяет для меня торжество порядка, является гарантом того, что никто не пролезет в очередь сбоку, никто не проникнет

с черного хода. В общем, не допустит, чтоб меня, терпеливо стоящего в очереди, обошли всякие там сомнительные наглецы и проныры. А он вместо этого... Нет, в другое время я бы реагировал спокойно. Но когда нет никакой гарантии, что достанется... Какая мне в таком случае разница, кому достанутся мои простыни или сапоги — наглому спекулянту или стражу порядка? Раз в результате они не достались мне в порядке общей очереди.

Эти мои московские наблюдения всплыли после знакомства с одной историей, происшедшей в Крыму. В магазине № 73 села Зерновое Красногвардейского района проходила плановая ревизия. И случилось так, что в момент ее проведения в магазин поступила партия товаров повышенного спроса. А некоторые товары даже в импортном исполнении.

Что в таких случаях надо ревизорам делать? А ничего особенного — спокойно выполнять свои обязанности, которые определены должностной инструкцией. Там, в частности, сказано: бухгалтер-ревизор «контролирует, ревизует, изучает и вносит правлению организации или руководителю предприятия предложения по заводу, размещению, хранению и реализации товаров, пресечению фактов их нецелесообразной внутренней перекрестки». Но вместо этого одна из четверки ревизоров обратилась к заведующей магазином А. Сахно с предложением о внутренней перекрестки части товаров лично ей. И обосновала это так:

— Очень нужен подарочек на свадьбу. Сама знаешь, как сейчас туго с товарами...

На следующий день с аналогичной просьбой к Сахно подошла другая ревизорша. А в последний день — и две

остальные. Таким образом, пока ничего не подозревающие сельчане ходили мимо закрытых на замок дверей магазина, сноровистые ревизоры активно отоваривались предметами повышенного спроса: Н. Шорсткая — на 450 рублей, Т. Дидушина — на 530, Т. Диманова — на 350. Скромнее всех оказалась ревизор Т. Шебунова — она приобрела только одно детское платьице за 15 рублей. А ее коллеги — 5 пододеяльников, пять пар женских туфель, четыре пары туфель спортивных, два женских пальто, два платья, сапоги, босоножки, сарафаны, джемпер и разнообразную детскую одежду. Всего, таким образом, на 1356 рублей 26 копеек...

Ничего не скажешь, удачной получилась ревизия!

Ну, а вслед за ревизорами появилась милиция. Но в данном случае не для отоваривания. А чтобы занести в протокол: магазин еще не открылся для торговли, а солидной части товаров уже и след простыл...

На судебном заседании всех, конечно, интересовало, отчего это обвиняемая Сахно допустила такое нарушение правил торговли. Ведь по всем отзывам и характеристикам она добросовестный работник и грамотный специалист, неоднократно приводила коллектив магазина к победе в соцсоревновании, награждена значком «Отличник кооперации»...

— Да это же люди нашей системы, — с некоторым недоумением отвечала на вопросы прокурора Сахно. — Я не могла не дать им товар. Для меня ревизоры — начальство. Я подчинюсь их указаниям.

А в конце концов заявила: — Ревизоры — всегда наши первые покупатели. И раньше так было. Это уже сложившаяся система.

Сноровистые ревизоры проходили по делу Сахно как свидетели — в Уголовном кодексе статьи для них не нашлось. Сами они по закону ничего не нарушили. Состав преступления, предусмотренного УК УССР, в их действиях не усматривается. Они только лишь способствовали совершению преступления, спровоцировали его. И на вопросы судьи заявили:

— А нам никогда не говорили, что мы не можем купить товар в магазине!

То есть, хотя правила торговли и существуют, им не говорили, что они кажутся в том числе и ревизоров. Касаются их, пожалуй, в первую очередь...

Когда кругом тотальный дефицит, вполне логично приставить к нему людей — следить, чтоб всем досталось поровну. Поэтому в перечне нужнейших сегодня профессий впереди стоят не философы и моралисты, не программисты и астрофизики, не создатели новых экономических теорий, а именно стражи и охранники дефицита, его учетчики, контролеры и ревизоры.

И чем меньше будет того, что распределять и контролировать, тем больше надо будет этих стражей, учетчиков и контролеров. Тем больше, следовательно, ответственности ляжет на их плечи.

Но чем больше они будут преисполнены важностью стоящих перед ними задач, тем с большим основанием будут считать себя вправе иметь определенные привилегии. Именно по части, например, первоочередного отоваривания. Вот ведь какую тут обнаруживаешь неприятную психологическую закономерность!..

В результате товаров будет еще меньше, очереди у магазинов — еще злее и гуще. Что, естественно, чревато стихийными взрывами. А значит, надо учитывать еще строже, ревизовать еще старательнее. Значит, важность работы этих товарищей вырастает до размеров неимоверных. Становится для страны поистине судьбоносной. А значит, у наблюдателей за дефицитом тем больше оснований оказаться у скудеющих прилавков раньше многодетных матерей, инвалидов войны и даже кавалеров ордена Славы трех степеней...

Крымская область.

КРОКОДИЛЬСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

Раньше, до испытания гласностью, критиковать надо было умело, изощренно. А теперь что? Вседозволенность. Тяп-ляп, и готово. Особых усилий не требуется. Об этом надо подумать Крокодилу.

И еще. Раньше смотрели так: вот это — страна, а вот это — ее промахи. Промахи надо громить, а страну — беречь: это наша Родина. Теперь же понятие «Родина» исчезло в хаосе, затерялось в сумбуре понятий, даже географически. Поэтому бьют наотмашь, в белый свет как в копеечку. Интересов нет, есть озлобление. Мое пожелание, чтоб журнал не терял Родину, чувствовал ее боль и помогал, чем мог. Хотя я с уважением отношусь к Крокодилу, в журнале много талантливого и полезного.

Успеха вам и побольше здравого смысла.

А. МАТВЕЕВА, ветеран труда,
Ульяновская область.

Дорогой Крокодил! Я твой подписчик с 50-х годов. И на этот год подписался, хотя пенсия — и ста рублей нет. А получил № 36, открываю и... ба! Организована новая партия! Сто первая в нашей стране. Почему не поставили в известность о намерении образовать партию? Где Устав? Сразу на тебе — Манифест! Без обсуждения читателями. А председателем партии избрал себя. Пахнет культом личности! И, главное, сказано, что членом РКП может стать любой... Этого категориче-

ски «низзя»! Я и еще два подписчика считаем, что Манифест нужно дополнить по этому вопросу. Если мои замечания будут учтены, я буду решать: вступать ли мне в РКП и останусь ли я подписчиком «Крокодила» ну хотя бы до... 2500 года.

С уважением

М. БУЛАЧЕВ, депутат сельсовета,
Дагестанская АССР.

Ждем тебя мы и месяц, и два...

Где же, зубастая ты голова?

Твой номер двадцать шесть

родился в сентябре.

В Сибирь к нам пришел, в январе.

Но если и дальше так будешь ходить,

Спокойно в болото можешь угодить!

П. ВАЦ,

д. Сучково Красноярского края.

Дорогой Крокодил! Мы очень любим тебя. Но, прочитав «Балаганчик» (№ 34, 1990 г.), были глубоко возмущены, задеты и сами чуть не умерли (ы-гы-гы), увидев нагло передраные у нас Капрановым острооты. Дело в том, что мы — три остряка, — попав в новую школу, начали упорно острить и острым так уже в течение двух лет. К концу первого года нашего «острения» нас уже боялись как огня, и, так как смеяться над нашими остроотами уже никто не хотел, нам приходилось под угрозой «кю» (см. фильм «Кин-Дза-Дза») вы-

бывать этот смех. Остроту «Шел парень, споткнулся, упал и умер... в страшных судорогах» мы придумали задолго до того, как тов. Капранов выпустил свои комиксы. Требуем: впредь при публикации подобного материала делать на нас, трех остряков, ссылку. Извините нас за ошкбки, так как мы, ученики 10-го класса, сочиняем это письмо на уроке физики при постоянном отвлекании со стороны учителя. О том, что это наши острооты, мы заверяем письмо подписями учеников нашей школы. Могли бы собрать подписей и больше, но язык устал объяснять каждому, по поводу чего это письмо, и просить поставить свою драгоценную подпись.

Три ОСТРЯКА и еще 79 подписей
учеников школы № 358,

г. Москва.

«Крокодил» самый центровой журнал! Читаю его с удовольствием. И на 91-й год оформил подписку. Подорожание подписки — мелочь по сравнению с тем, какую радость получаешь.

С. ДРОНОВ, г. Архангельск.

В нашей деревушке «Крокодил» стал дешевле, а подписчиков больше. Было пять, а стало пятнадцать: Крокодил, спасибо ему, подсказал и нам «соображать на трюки». Еще и в конторе поручили уборщице подшивать номера: зашел человек — читай, смотри и смейся на здоровье!

Н. ЖУКОВ,

Курганская область.

Прочитал в № 34 (1990 г.) «Матренины заботы» Михаила Тычкова. Плохо, что Михаил Тычков не упоминает, в какой деревне это было. Но, судя по именам — Матрена, Макариха, Параха, Спиридон, — это где-то в России. А спросил бы Михаил Матрену, как у нее на сегодняшний день со сном. Руководители страны бабу Матрену нынче и не на такие думы могут настроить, может и совсем сон потерять...

А. КЫШТЫМОВ,
г. Телмиртау.

Констатирую с большим сожалением: с каждым годом перестройки Крокодил стал все больше забираться «вправо». Из боевого, остро бьющего журнала народа он превратился в слугу КПСС. И бьете по мелочам! Прочел «Почему вы не ругаете Горбачева?» и так и не понял, почему нельзя критиковать Президента, Полозкова со свитой, Ельцина. Любую критику в адрес руководства вы уже заранее именуете «площадной бранью» и «ату его»!

С. НИКОНЕНКО,
г. Владивосток.

Первые номера в этом году ознаменованы потерей юмора и увеличением сатиры. В последнее время даже М. Жванецкого слушаешь без восхищения. Все злоба, злоба... А настоящую правду читаешь только в газете «Правда».

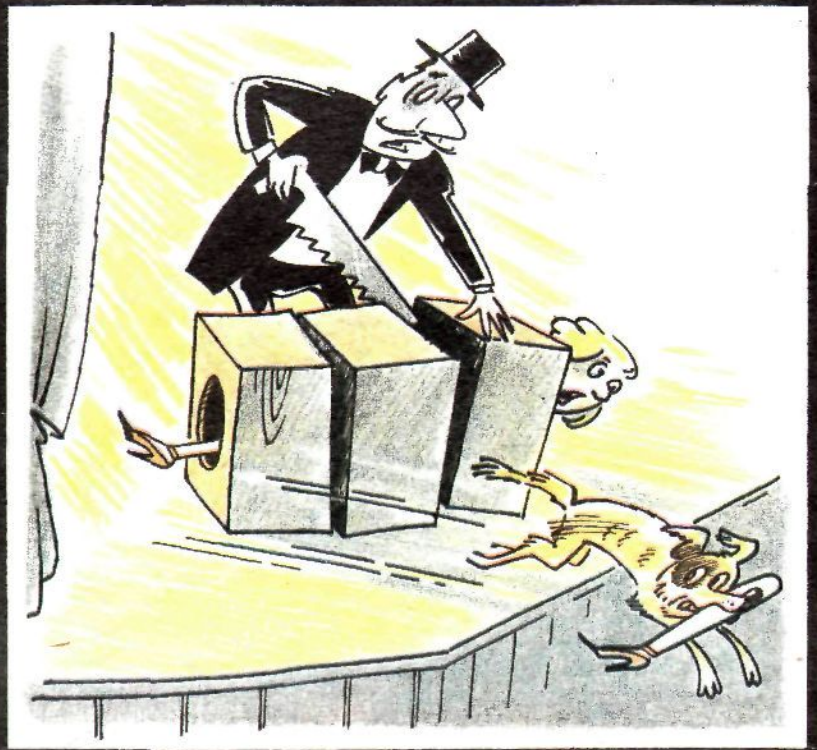
Радомир ГРИГОРЬЕВ,
Московская область.

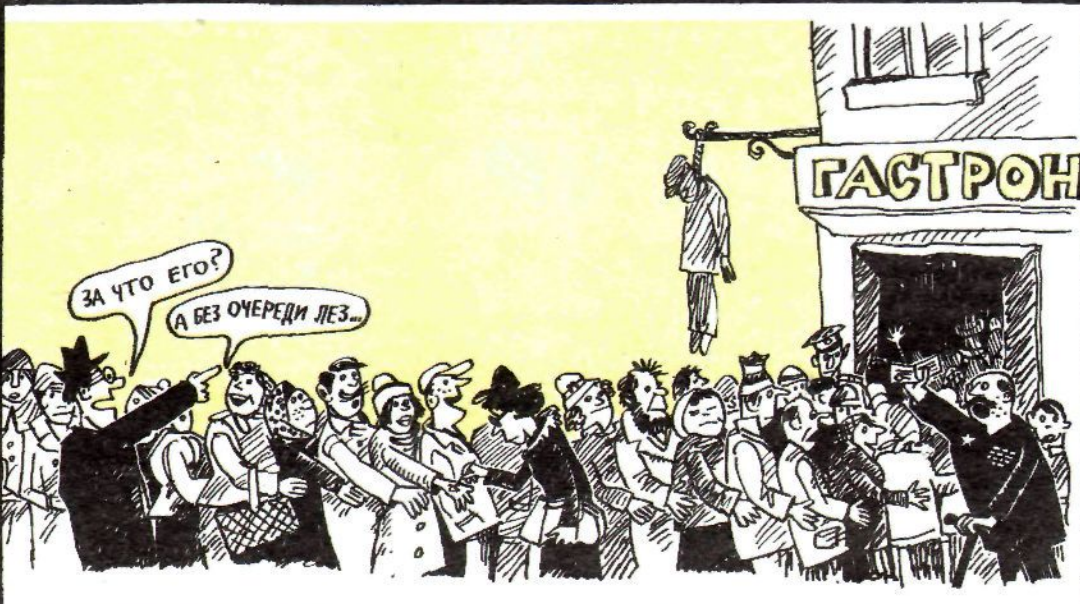
В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, С. РЕПЬЕВ (тема).

В. ТИЛЬМАН

В. МОХОВ

С. СПАСКИЙ, Т. ФЕДОРОВА (тема).

К. ГАСТЕВ

МАШИНА

ее с милицией? Беда, но даже человек, пришедший за помощью сам, а не доставленный принудительно, никогда не знает, что пишет о нем врач, правду ли пишет. А вдруг раздувает, утяжеляет историю болезни, чтобы выглядеть потом молодцом: вон какой у меня дисфункциональный был пациент, а я его вылечил подчистую!

И посадил доктор пришедшего к нему в психдиспансер Кухарева, и пошло:

— Пил ли папка? А сам когда выпил первую рюмку? Как прошла, колом или соколом? Двенадцатые праздники в церкви — это что? Мальчишки всегда кому-нибудь подражают — ты кому подражал? Первая девушка — что запомнилось в ней, коленка, имя или пупок?

«Попал, — думал с тоскою Виктор Михайлович. — Та же гадалка, только с верхним образованием».

Но, человек обстоятельный и честнейший, на все вопросы без утайки или криводушия отвечал наш электрик. А после состоялись десять сеансов гипноза — и как рукою сняло все тревожные сны. А после были суды и прочие разборки — и перед лицом фактов отпало всякое очернительство, и множество гонителей Виктора Михайловича (ну, признаем, пока еще не особо высоких рангов гонители) было наказано, а самого Кухарева бесповоротно восстановили на работе с оплатами за вынужденный прогул. Не обошлось в этом деле и без печати. Да, затянуло Кухаре-

ва в человекожонную нашу машину, раздавило почти по грудь, ведь просто поперек горла стоял в Волгограде Кухарев, этот ступок человеческого достоинства, многим видным партийцам, начальникам и правовикам, но скалой встал на защиту рабочего корреспондент городской вечерней газеты Ю. Г. Водольский. И отбил, защитил рабочего!

Однако, граждане, крайне беспочвенно указывается в одной опере, что «полна, полна чудес могучая природа». И в марксистско-ленинской, скажем прямо, природе никогда не было такого чуда, чтобы малого размера человек нанес обиду руководящему жрецу, а тот бы от этой обиде за большой работой и попечительством о благе народа забыл. Нет, никогда не забывают они!

И вот была в ведении коммунального босса Галушкина техник-смотритель Марченко. Проживала в служебной комнате. Галушкин не любил Марченко, он любил Юрченко. Потому как Юрченко была командиршей жизни — директором продмага № 15. И была у Юрченко родная сестра Пащенко, тоже, конечно, продавец продмага.

Вот в Англии говорят: любишь меня — люби мою собаку. А на Волге говорят: любишь меня — люби мою сеструху.

Короче, поворковала с Галушкиным завмаг Юрченко, тот вызвал работников, каких надлежит, и — нет для Галушкина ничего невозможного! — тайно была прописана Пащенко на жилплощадь Марченко. Так сказать, вторым слоем. И ложится, допустим, спать ничего не подозревающая Марченко, а на

нее, на техника-смотрителя, как бы незримо вторым слоем ложится продавец продмага Пащенко.

— А наша милиция? — закричите вы. — Ведь паспортный режим, прописка — это ее епархия. Почему не разоблачили Галушкина?

А как может вал или кривошип одной и той же машины разоблачить в ней зацепленную с этим же валом шестерню или кулису? Ведь одно это и неразливанное целое — наша милиция и наши галушкины. Да, захаживала милиция к технику-смотрителю Марченко (у милиции большинство тайных осведомителей — из этой категории граждан: какова обстановка в микрорайоне, кто живет не по средствам, кто к кому подозрительный шастает. Нормальная оперработа). Но и в голову не приходило операм, что сама квартира, которую они посещали, есть предмет криминальных упражнений Галушкина.

И вовсе тихо замаялась бы история с Марченко-Юрченко-Пащенко, но встрял в это дело электрик Кухарев, заголил до корней безобразия, пошел и в обком, и в горком: до коих пор наша жизнь будет нравственным и бандитским свиноматком?

Он-то пошел в обком, а Галушкин сочинил на Кухарева поносную характеристику и отправил в горпсихдиспансер. В общем, здраво он поступил, на манер карельских начальников, говорящих строптивым призывникам: «Не хочешь идти в солдаты — пойдешь в Матросы».

* Матросы — психбольница под Петрозаводском.

Прав был Иешуа-Христос, пуще всего опасавшийся человека с козлиным пергаментом. Так вот и простяга Кухарев, пришедший в психдиспансер по поводу своих океанических снов, не знал и не ведал, сколько измарано бумаги по этому поводу, что поставлен друг наш электрик без всякого ему уведомления на психиатрический учет, и грязнейшая произведена попытка выдать непризвыв Кухарева в армию по молодым годам не в связи с шахтерством за Полярным кругом, не в связи с гастритом, а в связи с психическим заболеванием. Диагноз которого — психопатия истероидного круга. Хотя по секрету от многоумных психиатров скажу вам, что психопатия — это никак не болезнь, а всего только состояние. И, честно сказать, препроводи меня прокуроры после любого моего песоченья, экзекуции и выволочки за дерзкое сочинение в высшем нашем парторгане к психиатрам — неминуемо и мне поставили бы они диагноз: психопатия истероидного круга. И тебе, здоровый мой читатель, после посещения тобою продмага или сберкассы вклеили бы, с постановом на учет, маниакально-депрессивный психоз, если не латентную шизофрению. Без внимания к тому, что и я, и ты, читатель, и Кухарев — мы абсолютно здоровы, как здоров и большой мой друг, сторож зоопарка, хотя уже много лет, экономя электроэнергию города, он перед обедом разогревает котлеты, завернув их в целлофан и засунув в задний проход бегемота.

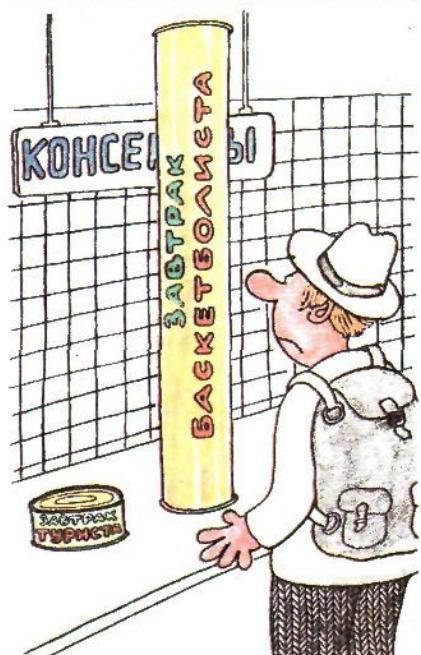
г. Волгоград.

Окончание следует.

КРОКОДИЛИНКИ

В. ДУБОВ.

В. ЛУГОВКИН.

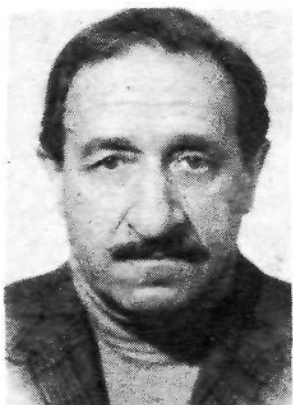

А. УМЯРОВ.

В. ВЛАДОВ.

ПРОЩАНИЕ С МАСТЕРОМ

В нашем сатирическом цехе крупная потеря. Умер Морис Романович Слободской. Его первые фельетоны были опубликованы в журналах «Безбожник» и «Крокодил» в самом начале тридцатых годов. Таким образом, он отдал сатире и юмору шестьдесят из семидесяти семи.

Впервые я встретился с Морисом Слободским на Западном фронте в декабре сорок третьего в заснеженном лесу под Смоленском. Кто-то из моих связистов принес к нам в землянку раздобытый неизвестными путями, зачитанный до дыр номер журнала «Фронтовой юмор». Там были напечатаны стихи Д. Бедного, С. Маршака, М. Исаковского, рисунки Кукрыникова, Л. Бродаты. А под ядовитыми, задрисными частушками «Вести из берлоги»

стояла подпись «М. Слободской». Он же, как оказалось, был и одним из редакторов журнала.

Об этой далекой и тяжелой поре мы вспоминали с ним уже в начале шестидесятых, когда мне как редактору отдела литературы «Крокодила» довелось готовить к публикации в пяти номерах журнала комедию «Гурий Львович Синичкин», одним из авторов которой был Морис Романович. Человек необычайно деликатный, интеллигентный, как истый петербуржец, щедро наделенный матерью-природой редким даром юмориста, он никогда не кичился ни своими фронтовыми наградами, ни литературными регалиями. Хотя к тому времени в соавторстве с В. Дыховичным он уже выпустил десяток книжек, в том числе и в библиотеке «Крокодила», у них с огромным успехом шли во многих театрах страны пьесы «Факир на час»,

«Где эта улица, где этот дом?». Много лет не сходила со сцены прославленного Театра сатиры и комедия «Гурий Львович Синичкин».

В титрах блистательных, нестарящихся кинокомедий «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука» не одно поколение любителей кино будет читать имя Мориса Слободского.

Нет, Мастер весь не умирает. Он продолжает нести живущим свет добра, заставляет их смеяться над тем, что смешно, делает их жизнь осмысленнее и краше.

А. СУКОНЦЕВ.

Вместе с читателями и зрителями крокодилы скорбят по поводу кончины Мориса Романовича Слободского. С нами будут жить его фельетоны и книги, пьесы и фильмы.

В чужой стране всегда интересно. Каждый день открываешь что-нибудь новенькое. И размышляешь: ну почему у них так, а у нас иначе? Вот и в Москве я не устаю удивляться и размышлять над удивительным.

Возьмем, к примеру, телефон. Не телефон вообще, а тот конкретный аппарат, который стоит в моем московском кабинете. К счастью или скорее к несчастью, он выглядит в точности, как японский. Поэтому я без колебаний взял трубку и стал набирать нужный мне номер.

— Алло! — произнес молодой женский голос.

Я ответил:

— Гаспадин Иванов можина?

Учтите, что этими тремя словами исчерпывается мой запас русских слов. Вся надежда была на то, что мистер Иванов умеет говорить по-английски. Поэтому, как только я с ним соединюсь, никаких проблем у меня не будет. Однако молодая леди не ответила желанным «да». Вместо этого она запустила какую-то длинную фразу. «О боже, о чем она?!» — подумал я. Я изо всех сил пытался сообразить, что она мне втолковывает, и в конце концов решил, что, наверное, она сказала: «Его сейчас нет на месте, поэтому, пожалуйста, позвоните позднее». Я поблагодарил и повесил трубку.

Через десять минут я позвонил вторично. Я знал, что мистер Иванов не может отлучиться надолго, ибо именно он просил меня позвонить ему точно в это самое время. Я повторил:

— Гаспадин Иванов можина?

Ее ответ прозвучал в точности, как и в первый раз. Повесив трубку, я подумал, что, вероятно, слегка огорчил милую девушку своей непонятливостью. Ведь она так старалась; бедная, объяснить мне нечто большее, чем можно выразить лаконичным «его нет». Но, как бы там ни было, мне оставалось только набирать и набирать номер телефона ивановского офиса, что я усердно и проделывал покрасневшим указательным пальцем.

К тому времени, когда я позвонил в четвертый раз, дама рассвирепела настолько, что накричала на меня. Это было ужасно! Что-то тут было не так... К счастью, в этот момент пришла моя секретарша, и я передал телефонный аппарат в ее распоряжение.

— Вы неправильно набираете номер, Сумикава-сан. Эта женщина говорит, что никакого Иванова там нет, — сказала моя секретарша.

Я неправильно набирал? Беру визитную карточку, врученную мне мистром Ивановым. Там значился именно тот номер, который я набирал. Может быть, меня подвел мой палец? Поэтому я аккуратно еще раз, но с великим тщанием и сверхвниманием набрал номер, и опять подошла та же самая девушка. Я мгновенно опустил трубку, чтобы ускользнуть от потока ее брани, и поздравил себя с тем, что еще сохранил юношеское проворство.

Но радости от этого, в общем, было мало, поскольку дело-то оставалось несделанным. Решив, что на визитной карточке Иванова номер набран с опечаткой, я перестал звонить. На следующее утро мне позвонил сам мистер Иванов. Я пожаловался ему на опечатку в его визитной карточке. К моему изумлению, я услышал в ответ суровую отповедь. Он настаивал, что номер на визитке абсолютно правильный.

— Если сомневаетесь, пожалуйста, позвоните мне сейчас же, — предложил он.

Конечно, я позвонил и услышал его торжествующее восклицание:

— Ну, вот видите! Набирать надо правильно!

Говорят, что Россия — загадочная страна. Пока что для меня загадка только русский телефон.

Постепенно я стал привыкать к вашим телефонам. Я понял, что телефон в этой стране — штука весьма капризная. Набираешь правильно — попадаешь неизвестно к кому. Впрочем, я сам тоже довольно часто получаю ложные звонки. В Японии, если вы попали не туда, куда следует, вам остается только принести извинения человеку, которого вы напрасно побеспокоили. Ваши люди редко приносят извинения. Они готовы винить телефон, министра связи, происки кооператоров, нечистую силу, но только не себя за то, что ошиблись номером. Часто они даже весело интересуются: «А куда это я попал? А какой у вас номер?» Любознательность — прекрасная черта. Жаль, что некоторые японцы, работающие в Москве, этого не понимают и полагают, что русские попросту недостаточно вежливы, чтобы выговорить: «Простите!»

Поначалу меня сильно раздражали эти ошибочные звонки. Но теперь они меня не волнуют. Привык. Чем более что внутримосковские телефонные приключения — это милая детская забава по сравнению с попытками прозвониться за границу.

Когда бы я ни вызывал Токио, я молю бога, чтобы телефон оказался в добром расположении духа. Но, так как всевышний почему-то меня персонально недолюбливает, я заранее готовлюсь к десяти — пятнадцати попыткам.

Выглядит это примерно так.

После первого набора — пауза и коротенькие гудочки: «Ту-ту-ту». Говорю себе: «Ну, все, как обычно, — линия занята и неизвестно, когда освободится. Будем методично продолжать».

Набираю вторично — «ту-ту-ту». «Ничего, ничего, главное, не нервничай, милый», — успокаиваю себя.

Третий раз накручиваю диск. Снова те же гудочки, приятные, как зубная боль. «Конечно, — говорю я себе, — нельзя полагаться на везение. Стисни зубы и трудолюбиво крути. И ничего не загадывай».

Пятый набор. Тот же результат. Спокойно. Не думать о хакари. Взять себя в руки. Однако что происходит с этим телефоном? Неужели линия так беспросветно забита? Не может быть.

Шестой раз. Те же гудочки, но я их уже близко к сердцу не принимаю, ибо к этому времени разыгрывается воображение. А вот интересно, думаю я, у Горбачева те же трудности с телефоном? Неужто кремлевские лидеры тоже с утра до вечера терзают телефонный диск? Нет, это невозможно. Наверняка у них там имеется специальный человек — «крутильщик телефонного диска». С удовольствием воображаю, как спецкрутильщик мозолистым пальцем набирает телефонный номер, изрыгая ругательства по адресу технократов, отказавшихся от голубиной почты в пользу телефона. Однако пока расшалившаяся мысль рисует комические сцены, палец мой автоматически продолжает вращать диск.

Седьмая попытка. Тонкий, пронзительный писк, и записанный на пленку голос оповещает: «Неправильно набран номер».

— Мужество и еще раз мужество, Сумикава-сан, — приказываю я себе. — Истерики ты оскорбишь дух своих самурайских предков.

Восьмая попытка. Едва я набираю восьмерку в наивной надежде соединиться с международной телефонной станцией, как тут же слышу до боли знакомое «ту-ту-ту».

Победа не за горами, объясняю я себе. Пойми, что, хотя набор называется автоматическим, на другом конце провода сидит живая операторша, которой надоело до чертиков твои упрямые попытки прозвониться. А поскольку она не робот, а живое существо, значит, терпение ее вот-вот лопнет, и ей не останется ничего другого, как соединить тебя с Токио.

Девятый набор. Удалось набрать все цифры до конца, но в награду все то же умопомрачительное «ту-ту-ту».

Десятый заход. Наконец-то Токио! Но, увы, изнемоги в борьбе с телефоном, не могу вспомнить, что я хотел сказать своим коллегам в Токио. Пока я мычу, вспоминая, они уже отключились. И вот каждый день я вынужден забавляться таким манером. Не менее часа ежедневно уходят на крутежку диска. Ну и что? Абсурдно жаловаться на такие мелочи в Москве, где люди часами стоят в очередях. Зато хоть есть время помечтать в свое удовольствие, пока крутишь. Кроме того, закладка терпения. Так что, быть может, мне еще следует поблагодарить ваше Министерство связи?

Хотя Москва полна подобных интересных явлений, есть и кое-какие разочарования. До того как я сюда приехал, я читал о знаменитых крамольных разговорах на кухне. Когда поначалу меня приглашали в какую-нибудь русскую семью, я ждал, что вот сейчас приму участие в захватывающих дух кухонных откровениях. Однако пока еще ни разу никто из моих московских кухонных собеседников не завел разговора о тайных кознях КГБ или борьбе за власть в Кремле. Вместо этого мои собеседники говорят только о картошке, яйцах, колбасе и талонах. Так умирает романтика.

Работавшие до меня в Москве корреспонденты советовали: если у тебя в квартире прорвет водопроводную трубу, не нужно листать телефонный справочник в поисках номера аварийной службы. Следует просто-напросто громко крикнуть в стену: «Трубу прорвало! Заливает!» И тут же неизвестно откуда появится молчаливый, подтянутый водопроводчик в штатском. Как вы догадываетесь, я решил испробовать этот прием. Случай скоро представился. В квартире забарахлил выключатель света, и я заорал в стену: «Караул! Свет погас!» Но ничего не произошло. Электрик с военной выправкой, на которого я так рассчитывал, не появился. Пришлось прибегнуть к традиционному, чтобы не сказать, пошлому способу — с трудом заманить к себе какого-то ханурика, который за бутылку водки с грехом пополам починил выключатель.

Не знаю, подслушивает ли еще Большой Брат за стеной или нет, но аварийную техпомощь он уже не присылает. Это точно.

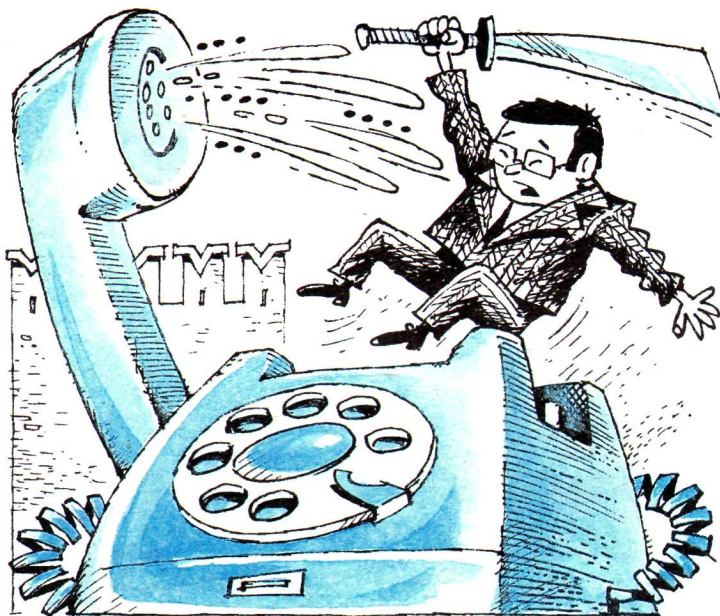
Благодаря перестройке жизнь в Москве становится все менее экзотичной для корреспондента из капиталистической страны. Никто не клеймит японских милитаристов, место классовых врагов в московской прессе заняли вульгарные мафиози. Разговаривая с людьми, я иногда забываю, что нахожусь в социалистической стране, основанной Лениным. Только магазины, где вам не приходится ломать себе голову над выбором товаров, напоминают о том, где я нахожусь.

Поэтому, когда интуристовский чиновник сухо сообщил мне, что мой вылет переносится с дневного на вечерний рейс, не посчитав нужным узнать, согласен ли я с таким переносом, я с удовольствием констатировал, что этот хрестоматийный тип советских бюрократов еще не вывелся. Боясь, что такого рода экземпляры исчезнут после наступления эры рыночной экономики. И тогда придется создавать специальный археологический музей советологии, чтобы люди могли взглянуть на этих ископаемых. А пока еще Москва полна любопытнейших достопримечательностей, что очень даже скрашивает существование японского корреспондента.

Перевел с английского М. ВИЛЕНСКИЙ.

Харухито СУМИКАВА,
директор московского бюро японской газеты
«Асахи симбун», — специально для «Крокодила»

В МОСКВЕ НЕ СОСКУЧИШЬСЯ

Магдалена САМОЗВАНЕЦ
(Югославия)

ТАКАЯ ХОРОШАЯ ПЬЕСА

Действующие лица:

ДРАМАТУРГ
ДИРЕКТОР ТЕАТРА
СЕКРЕТАРША

В приемную входит драматург.
Выглядит обыкновенно.

ДРАМАТУРГ. Скажите, пожалуйста, господин директор у себя? Моя фамилия Комич.

СЕКРЕТАРША. Директора нет.

ДРАМАТУРГ. А если он здесь, что тогда?

СЕКРЕТАРША. Тогда он вас не примет, потому что очень занят.

ДРАМАТУРГ. Сейчас убедимся. (Открывает дверь кабинета). Господин директор, прошу вас на минутку!

СЕКРЕТАРША. Какое безобразие! Я же сказала вам, что его нет.

ДИРЕКТОР (выходит в приемную). В чем дело? А, это вы, господин Комич? Просту. Что нового?

ДРАМАТУРГ. Как что? Год тому назад я послал вам пьесу «И черти имеют крылья».

ДИРЕКТОР. Блестящее название!

ДРАМАТУРГ. Правда? И я до сих пор не получил ответа. Даже не знаю, читали ли вы пьесу.

ДИРЕКТОР. Конечно, читал! Знаете, дорогой, мы даже хотели включить ее в репертуар...

ДРАМАТУРГ. Это для меня приятная неожиданность...

ДИРЕКТОР. Но потом пришли к выводу... На первой, знаете ли, репетиции... Короче, нас не удовлетворяет ее профиль!

ДРАМАТУРГ. А фас?

ДИРЕКТОР. Хе-хе, вы, как всегда, шутите. Впрочем, вы все понимаете. Пришлите нам что-нибудь другое. У вас наверняка найдется...

ДРАМАТУРГ. Просту вас тогда вернуть мне пьесу. Может, удастся поставить ее где-нибудь в провинции.

ДИРЕКТОР. Госпожа Дануся, прошу вас, найдите рукопись пана Комича. Хотите закурить? Как ваша жена?

ДРАМАТУРГ. Жена?

ДИРЕКТОР. Ну да. Она не больна?

ДРАМАТУРГ. Нет. Она купила новую шляпу.

СЕКРЕТАРША. Просту вас, вот рукопись. Какая толстая!

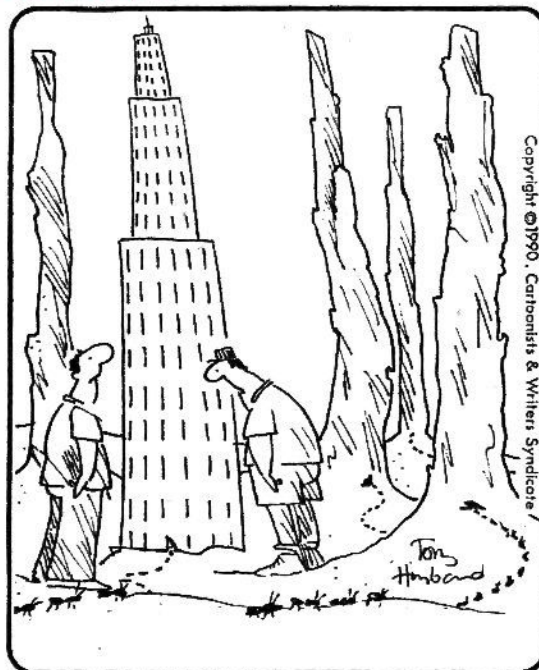
ДРАМАТУРГ. Разрешите, я ее здесь распакую. Мне хотелось бы посмотреть, все ли на месте. (Распаковывает сверток, и перед глазами собравшихся появляется толстая заплесневелая «салляма»).

ДИРЕКТОР. Что это?! Кто положил сюда эту колбасу?

ДРАМАТУРГ. Я положил. Я сам лично послал вам эту колбасу почтой год тому назад, чтобы убедиться, читаете ли вы пьесы.

СЕКРЕТАРША. Она уже заплесневелая. Жаль! Хорошая пьеса была.

Перевела с сербского Я. КУНИНА.

— Поразительно, какого уровня развития достиг этот вид муравьев.

ХАЗБЕНД, Англия.

3030, Польша.

Два приятеля-туриста оказались в Дании.
— Ну и ветрище тут! — восклицает один.
— Ничего удивительного. Посмотри, сколько здесь ветряных мельниц...

Две секретарши обсуждают своих начальников.
— Мне мой нравится, но, к сожалению, он слишком педантичен.
— В каком смысле?
— Он утверждает, что все слова пишутся строго определенным образом.

Муж, только что назначенный вице-президентом фирмы, так похвалялся этим перед женой, что та не выдержала и сказала:

— Подумаешь, вице-президент. Вон в овощном магазине есть даже вице-президент по сливам.
Муж обиделся и, решив доказать жене, что она ошибается, звонит в магазин и просит вице-президента по сливам.
— Которого из них? — последовал ответ на том конце провода. — По упакованным сливам или по развесным?

Кандидаты для работы на плотине должны были сдать письменный экзамен. Первым вопросом стояло: «Что означает «гидродинамика»? Один из экзаменующихся написал: «Это означает, что работу я не получу».

Посетитель отказался от яичницы, которую ему приготовили, под тем предлогом, что цена — 50 центов — для него слишком высока.
— Будьте благодарны, сэр, — примирительно сказал официант, — посмотрите на это дело с другой стороны. Курица работает за это яйцо целый день!

На звонок коммивояжера дверь открыла молодая красивая женщина.
— Доброе утро. Ваш муж дома?
— Нет, к сожалению. Он уехал по делам. Его не будет недели две.
— Ничего, я подожду, — отвечает коммивояжер.

Из книги «Деловой юмор» (США).

Ион ТИПСИЕ (Румыния)

МОЯ ЗВЕЗДА

Однажды на пляже моя хорошая знакомая, имя которой я предпочитаю не упоминать, упрекнула меня:

— Дорогой, ты совсем не заботаешься о своем завтрашнем дне. Сходи к астрологу, узнай свое будущее, приготовься к встрече с неизвестностью.

Кое-какие неприятности, огорчавшие меня время от времени, говорили в пользу ее аргументов. Я нашел астролога, заплатил неизменно высокую таксу, и мы вместе вышли на улицу. Был прохладный, исполненный таинственности вечер.

— Вот она, твоя звезда! — указал он на светящуюся, быстро перемещающуюся в бескрайних просторах вселенной точку.

Густые сумерки не смогли скрыть внезапной бледности, появившейся на лице звездочета.

— Твоя звезда закатывается, скоро она упадет в море. Я вижу, что ты человек серьезный, в галстуке, с сильной волей, иначе я не осмелился бы сказать правду: «Человече, твои дни сочтены!» Нет, что я говорю?! Тебе не увидеть даже свет утренней зари! Прими мои соболезнования!

Я был поражен, сердце мое сжалось в предчувствии катастрофы. Но, примирившись с неизбежным, я перед самым закрытием магазинов приобрел комфортабельный гроб, букет гвоздик, кофе, бутылку коньяка и книгу «По ту сторону». Сигареты у меня были.

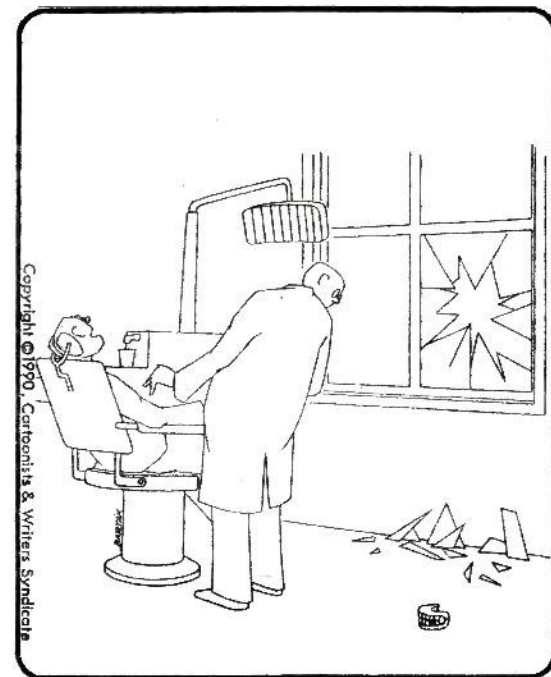
Я приготовил крепкий кофе, наполнил стакан коньяком, закурил сигарету и расположился со всем этим хозяйством на берегу моря. Взошла луна, легкий бриз тянул с моря, словом, ночь прошла незаметно. Утром я чувствовал себя превосходно. Веря в прогноз, я пролежал на берегу до самого обеда. Но в конце концов сомнения меня одолели, и я вновь предстал перед прорицателем.

— Шарлатан, — заявил я прямо ему в лицо. — Согласно твоему предсказанию, я должен уже быть в могиле.

— Тебя что-то не устраивает? Да ты ноги мне должен целовать. Неблагодарный! — И он обиженно захлопнул дверь перед моим носом.

Произошла ошибка. Астролог спутал мою звезду с «Салютом-7».

Перевел С. БЕДНОВ.

ТАК, Чехословакия.

Диего МАРАДОНА

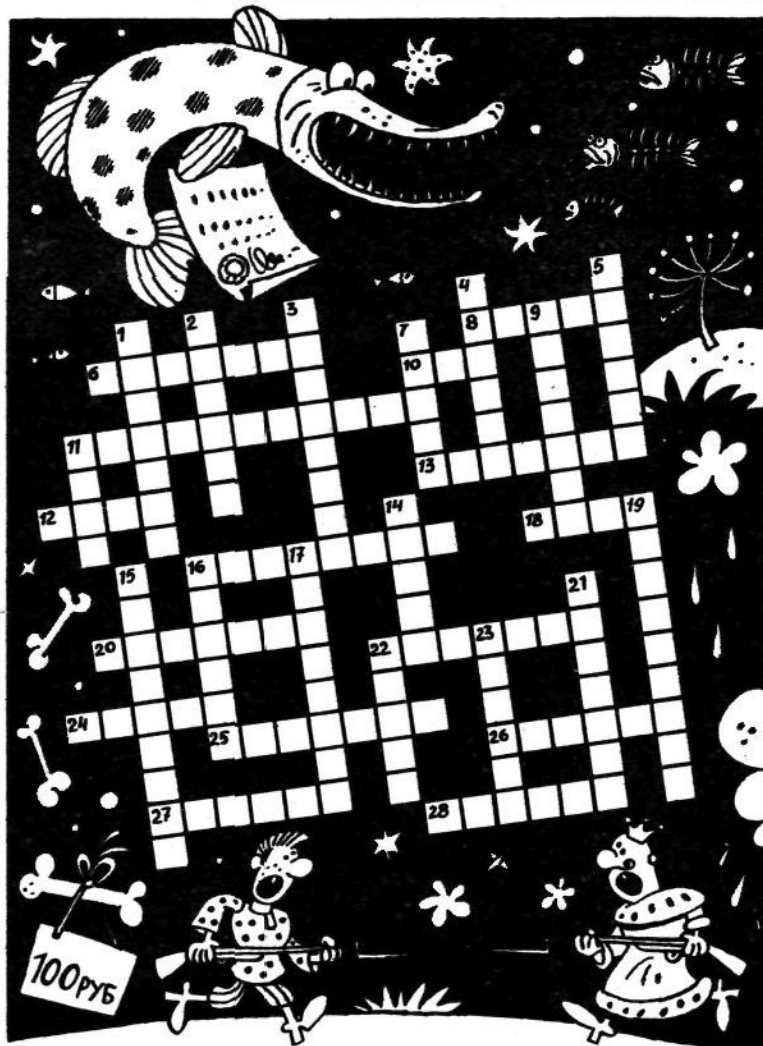
Не в форме «Спартак», а в форме «Наполи»
Выходит этот аргентинец на поле.
Обидно, что футбольного кумира
Пока прельщают не рубли, а лиры!

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.
Шарж В. МОЧАЛОВА.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
6. Щучий приказ (сказ.).
8. Трамвай мощностью две лошадиные силы.
10. Самая первая леди.
11. Ценный набор. 12. От двух до пяти (уголовн.).
13. Место, куда посылают в боксе. 16. Прогулка по-французски. 18. Первая часть миража.
20. Когда-то полная кефали. 22. Властный руль.
24. Носительница доли правды. 25. Объект спортодыха. 26. Прогрышное продолжение п. 13. 27. Шифровка по-почтарски. 28. То, что дороже платонической дружбы.

ПО ВЕРТИКАЛИ:
1. Раз — дощечка, два — дощечка. 2. Эхо зарплат. 3. Место самоуверждения раков. 4. 1/100 часть ведра водки. 5. Очистные для курильщика. 7. Охотник к перемене мест (произв.). 9. Состояние после п. 26 по горизонтали. 11. Штыковое равенство (поэтич.). 14. Коробка передач. 15. Игрушка для начинающего Родена. 16. Произведение искусства с шершавым языком. 17. Ночной черт (этимолог.). 19. Крокодил по-американски. 21. Вторая часть миража. 22. Повод для анекдота. 23. Тяговая сила в электродинамике.

Составил И. КЮНАВИ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Сельди. 6. Деготь. 9. Чагуранга. 10. Копка. 12. Сцена. 14. Порох. 15. Спор. 18. Риск. 20. Падение. 21. Квас. 24. Нора. 25. Палец. 26. Сялос. 29. Шкура. 31. Спекулянт. 32. Печаль. 33. Опенок.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Седло. 2. Удача. 3. Пегас. 4. Отгон. 7. Чудок. 8. Сапог. 11. Коромысло. 13. Цирюльник. 15. Сурок. 16. Лопух. 17. Суета. 19. Кишка. 22. Шапка. 23. Метла. 27. Игрец. 28. Ссылка. 29. Штопор. 30. Ровот.

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

«ОХОТА ЗА ВЕДЬМАМИ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В «Крокодиле» № 26 за 1989 год рассказывалось о том, как Госкомиздат УССР сражался с редактором симферопольского издательства «Таврия» С. Сосновским. В пылу битвы чиновники пустили под нож многотысячные тиражи двух толстенных книг, которые редактировал Сосновский, чем и нанесли государству ущерб в полторы сотни тысяч рублей. А редактора под фанфары выгнали с работы.

После фельетона руководящая часть Госкомиздата во главе с его председателем Ю. Дьяченко дружно посыпала пеплом собственные головы. Они сочинили постановление, в котором гневно осуждали себя за перегибы и присягали на верность идеям Перестройки. В этом документе они хвалили уничтоженные издания именно за то, за что несколько лет назад предавали их анафеме. Более того, «Таврии» предписывалось переиздать одну из этих книг — «За перевалом перевал» и целевым направлением выделялась для этого дефицитнейшая бумага.

В общем, «Перевал» хоть и посмертно, но реабилитирован, а про самого С. Сосновского, который из-за него постра-

дал, начисто забыли. К этому времени опытный редактор с двадцатилетним стажем приобрел квалификацию ночного сторожа, профессионально охраняя вверенный ему объект. В № 28 за 1990 год «Крокодил» напомнил Госкомиздату УССР о судьбе опального редактора. В самом деле, ведь реабилитировать живого человека не менее важно, чем уничтоженную книгу. Но Госкомиздат, видимо, придерживается другого мнения и признает лишь посмертную реабилитацию. Во всяком случае, на второй материал он никак не отреагировал.

Книга же «За перевалом перевал» оказалась воистину роковой. При переиздании она попала к редактору А. Люсому, который вскоре угодил под сокращение штатов. Спасибо профкому: его не дали выгнать и оставили в издательстве на договоре. За его увольнение ратовали директор издательства «Таврия» И. Клоссовский и зав. редакцией краеведческой литературы Г. Гржибовская (оба, кстати, активные участники изгнания С. Сосновского). Вот как описывает события сокращаемый редактор А. Люсий: «Г. Гржи-

бовская требовала, чтобы я признал рукопись непригодной к изданию... Когда я в очередной раз заявил, что признавать этого не собираюсь, она настояла, чтобы книга вышла без редактора, в так называемой «авторской редакции»... И правильно, чего там было редактировать? Ведь книга давно была отредактирована С. Сосновским. Но он-то теперь не редактор, а сторож...

Комментарии, как говорится, излишни. Но очень хочется дополнить эту историю одним любопытным штришком. Еще в 1989 году автор фельетона сидел в кабинете заведующего идеологическим отделом ЦК КП Украины Л. Кравчука, рассказывал ему историю уничтожения безобидных краеведческих книг и борьбы с их редактором. Помнится, Леонид Макарович изобразил на лице усиленное возмущение, твердо пообещав разобратся с этой галиматей. Но обещание до сих пор так и осталось обещанием.

Сейчас, как известно, Л. Кравчук — Президент Украины. И если правда, что обещанного три года ждут, то срок, глубокоуважаемый Леонид Макарович, неумолимо приближается...

В. ПОДКОВА.

Мухтар ХУДАЙКУЛОВ МИКРОБАСНИ

ГЛАЗА И ЛОБ

Лоб поспорил с Глазами.

— Я выше вас, — сказал он Глазам, — захочу и прекрасно проживу один.

Глаза закрылись на минуту, и Лоб тут же разбил себя об стену.

ПРИВЕТ И ОТВЕТ

— Привет, — сказал Привет.

Ответа не было.

В следующий раз и Приветов не было.

ЯЗЫК И УШИ

— Почему я один, а вас двое? — обижено спрашивал Язык у Ушей.

— Потому, — отвечали Уши, — что следует меньше говорить, а больше слушать.

СВОЙ ВЗГЛЯД НА МИР

— Что нового в мире? — спросил Крот.

— Ничего, — отвечала Летучая Мышь, — кругом темнота.

— Да, полный мрак, — подтвердила Сова.

ЖЕЛАНИЕ

— Что бы ты желал больше всего на свете? — спросили одного слепого.

— Я хотел бы видеть, как и все другие люди, — отвечал он.

— Что бы ты желал больше всего на свете? — спросили другого слепого.

— Я хотел бы, чтобы все люди были слепы, как и я, — отвечал он.

Перевел с узбекского
Михаил КРЫЛОВ.

ЭТО ЭТО ЭТО!

«Московский научно-производственный КООПЕРАТИВ «ОДА» предлагает к поставке:

♦ аппаратно-программные комплексы на базе ПЭВМ IBM-PC-AT-286/386/486;

♦ периферийные устройства: плоттеры, дигитайзеры, сканеры ручные и авто, стриммеры внешние, лазерные принтеры А4-А3 и т. д.;

♦ копировально-множительную технику и оргтехнику: ксероксы А4-А1 (в т. ч. цветные), телефаксы, автоответчики и т. д.;

♦ редакционно-издательские системы;

♦ информационно-поисковые системы для УВД и ОВД, банков, статистических и финансовых органов;

♦ системы бухгалтерского и кадрового учета;

♦ аудио- и видеотехнику (телевизоры, видеокамеры, аудио- и видеоманитофоны, музыкальные инструменты и т. д., поштучно);

♦ системы спутникового приема;

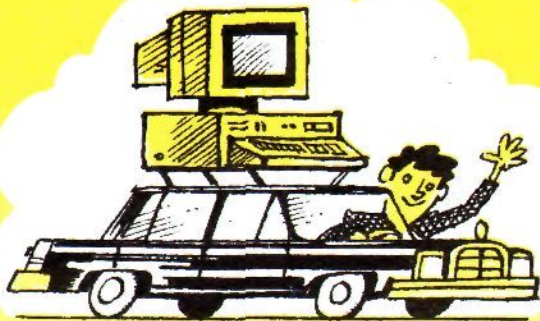
♦ новые автомобили фирмы «Мерседес-Бенц» (только за СКВ).

Оплата производится как в СКВ, так и в рублях по безналичному расчету ПО САМЫМ НИЗКИМ В СССР ЦЕНАМ.

Кооператив производит сервисное обслуживание и комплектацию расходными материалами поставляемой техники.

ИМЕЕТСЯ ПРЕМИАЛЬНЫЙ ФОНД ДЛЯ ПОСРЕДНИКОВ.

Чтобы связаться с нами, вам необходимо записать свои пожелания, номер телефона и полное наименование вашей организации на автоответчики кооператива по тел: 120-50-70; 119-45-54.

АГЕНТСТВО «ИНФОРМСЕРВИС» ПРЕДЛАГАЕТ:

ПОПУЛЯРНЫЙ «ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ»

незаменимый помощник в поиске и заготовке трав. В нем указаны характерные признаки и места произрастания лекарственных растений, время их сбора, способы хранения, рецепты по применению от конкретных заболеваний; имеются рисунки всех описанных растений.

Цена с пересылкой
6 руб. 90 коп.

РЕЦЕПТУРНЫЙ СПРАВОЧНИК «ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ТРАВЫ»

В нем вы найдете более 300 рецептов приготовления и применения напаров, отваров, настоев от всех основных групп заболеваний, включая косметические советы и рецепты, влияющие на половую потенцию. Календарь сбора лекарственного сырья, иллюстрации редких растений, простота в обращении сделают наш справочник вашим надежным помощником.

Цена с пересылкой
6 руб. 08 коп.

Заказы оформлять наложенным платежом по адресу: 340103, г. Донецк, агентство «Информсервис», отдел заказов. Заявка оформляется на листке бумаги размером с почтовую открытку, с одной стороны которого следует крупным четким почерком написать свой обратный адрес с индексом, а со второй стороны — название издания.

Заказы выполняются по мере поступления, до полной распродажи тиража.

Волгоградская фирма «ЭЛЕКТРОНИКА И ПРОГРАММНЫЕ СРЕДСТВА» предлагает

● Персональные ЭВМ типа ИБМ PC AT в конфигурации: процессор 80286, сопроцессор 80287, ОЗУ 1 МБ, диск 40 МБ, дисководы 1,2+1,44 МБ, монитор цветной ВГА 14", печать широкая 9 иглок, манипулятор «Мышь». Стоимость — 47 тысяч рублей.

Осуществляется гарантийное и послегарантийное обслуживание. Оптовым покупателям предоставляется СКИДКА.

- Вычислительную, организационную, множительную, автомобильную технику и технику связи в заказной комплектации.
- Восстановление покрытия лент к принтерам любых моделей.
- Услуги по приобретению импортного оборудования и продукции.

Условия поставки — со склада поставщика в г. Волгограде.

☎ код Волгограда 8442 69-74-48; 69-23-50.

Вниманию тех, кому нужен друг и спутник жизни. ОБРАТИТЕСЬ ВО ВСЕСОЮЗНУЮ СЛУЖБУ ЗНАКОМСТВ «ПОИСК».

«ПОИСК» расширит круг ваших знакомств и окажет помощь

в создании дружной, счастливой семьи.

«ПОИСК» располагает широкой информационной сетью во многих городах.

«ПОИСК» ИЩЕТ И НАХОДИТ!

«ПОИСК» вполне серьезно относится к своим договорным обязательствам и гарантирует их выполнение. Сведения об условиях заключения договора со службой знакомств вы получите по адресу: 220002, МИНСК-2, а/я 132 или в одном из отделений нашей информационной сети:

198261, Ленинград, пр. Ветеранов, 93/148; 290005, Львов, ул. Менделеева, 11/2; 252111, Киев, а/я 97; 350072, Краснодар, ул. Коллективная, 43/120; 720001, Бешкек (Фрунзе), ул. Белинского, 51/10; 333036, Симферополь, ГОС-36.

КРОКОДИЛ ПРЕДЛАГАЕТ СВОИ СТРАНИЦЫ ДЛЯ РЕКЛАМЫ ЛЮБЫХ ТОВАРОВ И УСЛУГ, ЛЮБОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ И БЫТОВОЙ ПРОДУКЦИИ, ДЛЯ ЛЮБОЙ ДЕЛОВОЙ ИНФОРМАЦИИ!

Цена публикации — пока не рыночная. Оформление, сделанное лучшими художниками «Крокодила», — пока бесплатное.

СПЕШИТЕ!!!

Справки по телефонам:
212-13-59; 251-31-40.